

ДАНИИЛ ОРЛОВ

ЭТОЙ СМЕНЫ НЕ БЫЛО

Даниил Орлов

Этой смены не было

<https://litres.ru/74667469>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода Вера возвращается в квартиру покойной бабушки и устраивается оператором ночного центра охранных тревог. Однажды из дома напротив приходит вызов без номера квартиры — а к утру он исчезает из журнала. Начальник уверяет, что тревоги не было, но знает слова женщины, которых не мог слышать.

Пока квартиры в доме пустеют одна за другой, Вера и электрик Сергей собирают бумажные следы стёртых выездов. Однако прошлое Веры делает её неудобным свидетелем: однажды она уже перепутала учебный сигнал с настоящим. Чтобы доказать происходящее, ей придётся отказаться от идеальной записи и решить, что важнее — архив или жизнь человека.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Первая ночь	5
Глава 2. Окно с красной точкой	20
Глава 3. Нулевой журнал	39
Глава 4. Бумага Фомина	62
Глава 5. Квартира бабушки	83
Глава 6. Вторая тревога	106
Глава 7. Начальник знает	130
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Даниил Орлов

Этой смены не было

От автора

Рабочий журнал кажется надёжнее человеческой памяти. В нём есть время, номер, имя и короткое описание события. Но журнал заполняют люди, а сохранность записи зависит от тех, у кого есть доступ к кнопкам и шкафам.

Эта история не о том, что любая ошибка системы скрывает заговор. Она о более трудном различии: человек может однажды ошибиться и всё же верно увидеть следующую опасность. Чтобы доказать случившееся, ему не всегда нужна безупречная запись. Иногда достаточно честно отметить пробелы и выбрать живого человека вместо полного архива.

Глава 1. Первая ночь

В двадцать три сорок семь Вера ещё различала каждый звук в зале. Шорох вентилятора над третьим пультом. Щелчок реле в шкафу за стеклянной перегородкой. Пластиковый стук клавиш, когда Лена из дневной смены вводила пароль, показывая, как принять объект под охрану.

Через час всё должно было слиться в обычный ночной гул. Так сказал Олег Ракитин, начальник смен. Ночью, по его словам, хороший оператор переставал слышать помещение и замечал только то, что изменилось.

— Пока ты слышишь каждый кулер, ты гость, — сказал он. — Через неделю будешь по тишине понимать, какой компьютер завис.

Он говорил Вере «ты» с первой встречи, хотя был старше всего на пять лет. Сам представился полностью и протянул руку через широкий стол: Олег Андреевич Ракитин. Потом посмотрел её анкету, задержался на строчке о прежней работе и спросил, выдержит ли она двенадцать часов без права выйти за кофе.

Вера ответила, что раньше выдерживала четырнадцать. Не уточнила, чем закончились последние такие сутки.

Центр «Городской щит» занимал второй этаж старого торгового комплекса. На первом давно закрылись мебельный магазин и детская игровая комната; за матовыми дверями

остались нарисованные облака и выцветший жираф. Работали круглосуточная аптека с отдельным входом, охранный центр и крошечная столовая для сотрудников. В ночном зале стояли шесть пультов, хотя операторов было трое. На дальней стене висели четыре больших экрана с картой района, списком экипажей и изображениями с камер у подъездов.

Из обычных окон за спиной Веры был виден двор. Тот самый, через который она ходила сюда от бабушкиной квартиры: квадрат из пятиэтажных и девятиэтажных домов, детская площадка, два ряда машин, мусорная площадка под зелёной крышей. Снег лежал тонко, асфальт просвечивал чёрными пятнами. Вера попросила место спиной к окну, чтобы не ловить отражение в экране. Лена сказала, что ночью окна закрывают жалюзи.

— Камеры лучше, чем живой вид, — объяснила она. — У камер есть время.

На железной дороге Вера говорила то же самое про запись переговоров. Память спорит, часы нет. Она почувствовала, как под воротником стало жарко, и сняла шарф.

Лена показала цветные строки журнала. Зелёная — объект поставлен под охрану. Жёлтая — неисправность датчика. Красная — тревога. Серая — учебное срабатывание или обслуживание. Рядом появлялись адрес, номер объекта, тип датчика и телефон ответственного.

— Главное — не гадать, — сказала Лена. — Видишь красное, открываешь карточку, звонишь ответственному,

отправляешь группу по подсказке. Если не дозвонилась — по инструкции дальше. У нас всё расписано.

— А если адрес есть, номера квартиры нет?

— Для жилого объекта так не бывает.

— Для общего помещения?

— Тогда будет подвал, чердак, подъезд. Карточка всё равно есть.

Вера кивнула. Она задавала слишком много вопросов и понимала это по тому, как Лена начинала отвечать короче. Но первая ночь была единственным временем, когда незнание считалось нормальным. Через неделю те же вопросы стали бы признаком невнимательности.

В полночь Лена вышла, забрав кружку и зарядку. За соседним пультом остался молодой оператор Миша в толстовке с эмблемой центра. Он сразу надел один наушник и открыл на телефоне футбольный матч без звука. У крайней стены работала Тамара Евгеньевна, женщина с короткими седыми волосами. Она принимала коммерческие объекты и за первые десять минут дважды попросила Мишу убрать телефон.

Ракитин сел в отдельном кабинете за стеклом. Дверь не закрыл. На его столе стояла лампа с зелёным колпаком, слишком домашняя для помещения с белыми стенами и кабельными коробами.

До часа ночи Вера приняла четыре неисправности. В продуктивном киоске села батарея датчика. В салоне красоты

уборщица открыла запасную дверь, не сняв помещение с охраны. В аптеке на другом конце района дрожал контакт окна. Четвёртым оказался банкомат: связь пропала на две минуты и вернулась сама.

Каждый случай оставил след. Жёлтая строка стала синей после передачи технику. Красная получила имя уборщицы и время звонка. В карточке банкомата появились три автоматические отметки. Вера перечитывала их, пока не убеждалась, что её действия записаны.

— Не любишь пустые поля? — спросила Тамара Евгеньевна.

— Люблю понимать, почему они пустые.

— Ночью это роскошь. Иногда ответственный утром вспомнит, как его зовут.

Вера улыбнулась. Тамара Евгеньевна не улыбнулась в ответ, но подвинула к ней пачку сухого печенья.

В час сорок Ракитин обошёл пульта. Посмотрел журнал Веры, похвалил точные примечания и зачеркнул ручкой запись в её блокноте.

— Адреса от руки не дублируем.

— Я записала только номер строки.

— Вижу. Всё равно не надо. Черновик в конце смены в шредер.

Он перевернул блокнот и показал напечатанное на задней обложке правило: служебные сведения не выносить, личные устройства к пульта не подключать, фотографии экрана

не делать. Вера прочитала это при устройстве и подписала два листа. Ей не понравилось, что Ракитин объяснял правило так, будто поймал её на попытке украсть базу.

— Поняла, — сказала она.

— Не обижайся. Здесь половина клиентов платит не за сигнализацию, а за ощущение, что их адрес не гуляет по району.

Он снова стал приветливым. Спросил, не дует ли от окна, велел Мише принести чай новичку. Миша сделал вид, что не услышал.

В два пятнадцать жалюзи за спиной Веры дрогнули. Снаружи поднялся ветер, хотя окно было закрыто. Вера повернулась и увидела между ламелями узкую полоску двора. В доме напротив горели пять окон. Одно на девятом этаже было ярко-белым, почти больничным.

— Закрывать плотнее? — спросила Тамара Евгеньевна.

— Не мешает.

Вера отвернулась. В ту же секунду на пульте прозвучал короткий двойной сигнал.

Строка появилась не красная и не серая. Сначала она была белой, словно программа ещё не выбрала состояние. В графе адреса стояло: «Горная, 14». Это был дом напротив. Вера знала его номер: бабушкина пятиэтажка имела адрес Горная, 12, торговый центр — Горная, 10, а длинная девятиэтажка замыкала двор четырнадцатым домом.

В поле объекта мигал ноль.

— Тамара Евгеньевна.

Соседка по пульту не отозвалась. Она говорила с владельцем бара и закрывала одно ухо ладонью.

Белая строка стала красной. Тип сигнала: «Тревожная кнопка». Квартира не указана. Ответственного не было. Вера открыла карточку.

На экране возникло серое окно без данных и кнопка прослушивания. Обычно звук тревожной кнопки не передавался: устройство лишь посылало сигнал. Но здесь рядом с изображением динамика двигалась зелёная полоска.

Вера надела гарнитуру.

Сначала был треск. Потом женский голос сказал очень тихо:

— Не звоните сюда. Он у двери.

Вера выпрямилась.

— Это оператор охранного центра. Назовите квартиру.

Женщина будто не слышала. На фоне дважды ударил металл. Не дверь — звук был тоньше, словно задевали батарею или трубу.

— Он снял номер, — прошептала женщина. — На площадке нет номера.

— Назовите этаж. Вы можете говорить?

Зелёная полоска замерла. Вера слышала дыхание, потом глухой мужской голос далеко от микрофона. Слов разобрать не смогла.

Она нажала кнопку вызова группы. Программа потребо-

вала выбрать объект. Нулевой номер не принимался.

— Тамара Евгеньевна, у меня тревожная кнопка без карточки.

Та завершила разговор и придвинулась на кресле.

— Не бывает.

— Я тоже так спросила.

Тамара увидела экран и сняла очки. В этот момент Ракитин вышел из кабинета. Он не спрашивал, что случилось. Подошёл прямо к пульта Веры и положил ладонь на спинку кресла.

— Ноль-четыренадцать? — спросил он.

Вера посмотрела на строку. Номера «ноль-четыренадцать» там не было. Только нулевой объект и дом четырнадцать.

— Горная, четырнадцать. Женщина говорит, что у двери мужчина. Номер квартиры снят.

Ракитин наклонился к экрану и нажал на значок динамика. Звук уже исчез. Зелёная полоска была ровной.

— Учебный стенд, — сказал он.

— Лена говорила, учебные серые.

— Когда тест идёт правильно. Этот опять вывалился в рабочую очередь.

Он потянулся к мыши. Вера не убрала руку.

— Там был живой голос.

— Запись для проверки оператора.

— В графике учений ничего нет.

Ракитин посмотрел на неё. Не сердито, даже с одобрени-

ем.

— Молодец. График у меня. Новичка заранее не предупреждают, иначе какая проверка?

Тамара Евгеньевна надела очки.

— Олег Андреевич, ночью учебных не ставили уже месяца два.

— Поэтому и поставили.

— А нас предупредить?

— Ты не новичок.

Он сказал это мягко, но Тамара отодвинулась. Миша снял наушник и повернулся к ним.

— Что там?

— Учебная тревога, — ответил Ракитин. — Работайте.

Вера снова нажала прослушивание. Тишина. В строке появилось серое поле «тест», хотя секунду назад его не было. Ракитин щёлкнул по меню и выбрал завершение без выезда.

— Подождите, — сказала Вера. — Если проверяли меня, почему кнопка отправки не работала?

— Потому что объект нулевой. Ты должна позвать старшего. Позвала. Проверку прошла.

Ответ был складным. Он объяснял белую строку, пустую карточку, недоступную кнопку и присутствие Ракитина. Не объяснял только голос, от которого у Веры до сих пор сводило плечи.

— Запись можно ещё раз послушать?

— Завтра на разборе.

— Там женщина сказала, что номер снят с двери.

— Именно. Типовой сценарий проникновения.

— Почему дом напротив?

Ракитин впервые посмотрел не на экран, а на жалюзи.

— Система подставляет ближайший учебный адрес. Чтобы группа случайно не уехала через полгорода, если оператор ошибётся.

— Но группа вообще не могла уехать.

— Вера.

Он произнёс её имя без отчества и сделал короткую паузу.

— Ты всё сделала правильно. Не надо искать второй экзаме́н внутри первого.

На прежней работе начальник станции однажды сказал ей почти то же самое: «Не ищи происшествие внутри учения». Тогда Вера не послушала. Через девять минут на трёх участках остановили движение, двенадцать поездов получили задержку, а голос, который она приняла за диспетчера соседней станции, оказался старой учебной записью. В наушниках он звучал живым. Вера даже помнила кашель между словами.

Она убрала руку с мыши.

Ракитин закрыл карточку. Строка стала серой и опустилась вниз журнала.

— В три кофе в столовой, — сказал он всем. — Новичку за счёт заведения.

Миша усмехнулся:

— За успешное спасение учебной женщины.

Тамара Евгеньевна бросила на него взгляд, и он снова надел наушник.

Вера открыла чистую страницу блокнота. Записывать адрес было запрещено. Она вывела время: 02:16. Потом зачеркнула. Ракитин стоял у кабинета и мог видеть её стол.

В три часа они пили растворимый кофе за круглым столом. Ракитин рассказывал, как оператор однажды отправил две группы на одну и ту же кошку в магазине. Тамара Евгеньевна ела печенье и не участвовала. Миша спросил Веру, правда ли на железной дороге диспетчеры ругаются особым кодом. Она ответила, что код нужен, чтобы не ругаться, когда от одной фразы зависит движение.

— А сюда почему ушли? — спросил он.

— Переехала.

— Там работы не было?

— Не искала.

Ракитин размешивал сахар, хотя в чашке давно ничего не плавало.

— Иногда полезно начать с другой системы, — сказал он.

— Старые привычки мешают.

Вера ждала продолжения. Он мог знать о служебном разборе: отдел кадров запросил трудовую книжку, рекомендации, справку. В официальной бумаге было написано «увольнение по собственному желанию». Про остановку движения могли сообщить устно.

Но Ракитин заговорил о расписании смен. Ей предстояло отработать три испытательные ночи, потом медосмотр и постоянный договор.

До пяти ничего необычного не произошло. Вера дважды открывала журнал и находила серую строку. В 02:16, адрес Горная, 14, объект 0, результат «учебная тревога». Примечание было пустым. В звуковом архиве напротив строки появился значок файла.

Она не нажала. Прослушивание учебного материала без разбора могло записаться в действиях пользователя. В шесть Тамара Евгеньевна ушла сдавать ключи от комнаты отдыха, Миша вынес мусор. Вера осталась в зале одна на две минуты.

Жалюзи снова дрогнули.

Она поднялась и повернула пластиковую палочку, открывая ламели. Дом напротив стоял через весь двор. На девятом этаже белое окно погасло. Ниже, примерно на седьмом, в темноте мигала маленькая красная точка.

Раз в секунду. Потом два быстрых мигания. Пауза.

Так мигал индикатор тревожной кнопки на учебном макете, который Лена показывала вечером.

Вера подошла ближе к стеклу. С её места нельзя было определить квартиру. Красная точка могла быть гирляндой, зарядным устройством, светом телевизора. На подоконнике отразилась лампа аварийного выхода, и на секунду Вера увидела вторую красную точку прямо у своей ладони.

— Красиво, да? — спросил Ракитин за спиной.

Она обернулась. Он стоял в дверях кабинета, уже в пальто.

— Что именно?

— Двор. Летом здесь хуже, всё видно. Зимой темнота хоть немного разделяет окна.

Вера повернула ламели обратно.

— В доме напротив у кого-то мигает сигнализация.

— У половины района что-нибудь мигает.

— Красная точка на седьмом этаже.

— Значит, не из нашей системы. Наши квартирные панели ставят у входной двери, с улицы не увидишь.

Он ответил сразу. Возможно, любой начальник охранного центра знал, где устанавливают панели. Но Вера не говорила, что считает точку панелью.

Ракитин надел перчатки.

— Смена закончится в восемь. До дома не провожаем, даже если живёшь напротив. У нас с этим строго.

— Я не просила.

— Шутка.

Он ушёл. Через стекло входной двери Вера увидела, как он пересёк пустой первый этаж и остановился возле аптечного окна. Не покупал ничего, просто говорил по телефону. Потом вышел во двор и направился не к парковке, а к дому номер четырнадцать.

Вера посмотрела на часы пульты. 06:07.

Она не записала время. Повторила про себя один раз и заставила себя открыть новую карточку неисправности. На

складе замёрз датчик ворот. Ответственный не брал трубку. Вера позвонила по второму номеру, вызвала техника и заполнила каждое поле, которое могла заполнить.

В 07:52 пришла дневная смена. Лена пахла морозом и мандаринами. Она спросила, как прошла ночь.

— Была учебная тревога, — сказала Вера.

— В первую же смену? Жестоко.

— Ты знала?

— Нет. А что дали?

Вера посмотрела на Ракитинский кабинет. Он был пуст.

— Проникновение. Женщина за дверью.

Лена поставила кружку на стол.

— Обычно дают магазин и забытый код. Живой голос был?

— Запись.

— Тогда дорогое учение. У нас голосовой модуль полгода не оплачен.

— Что это значит?

— Ничего. Может, Олег Андреевич со своего стенда включил.

Она села за пульт и открыла журнал. Вера наклонилась рядом. Серой строки в 02:16 не было.

Между неисправностью банкомата в 01:58 и вызовом на склад в 06:09 стояло пустое место. Нумерация перескакивала с 18431 на 18433.

— Где учебная тревога? — спросила Вера.

Лена прокрутила журнал вверх, потом вниз.

— Наверное, в учебном разделе.

— Она была здесь. С номером строки.

— Учебные после закрытия переносятся.

— Куда?

Лена открыла отдельную вкладку. Там лежали семь записей за месяц: проверка магазина, склада, двух офисов, аптеки и двух квартир. Ночной тревоги с Горной, 14 не было.

— Олег Андреевич разберёт, — сказала она.

— Он ушёл.

— Значит, вечером.

Вера посмотрела на пропущенный номер. Номер доказывал только то, что какая-то строка существовала. Не адрес, не голос и не просьбу женщины.

Она вырвала лист из блокнота, на котором зачеркнула время. Разорвала на четыре части и бросила в контейнер для служебной бумаги. Лена показала на шредер. Вера переложила куски туда и нажала кнопку. Ножи втянули бумагу, оставив узкие полоски.

На улице было ещё темно. До бабушкиного подъезда идти пять минут через двор. Вера натянула шарф до подбородка и вышла из торгового центра.

У дома номер четырнадцать стоял белый фургон без надписей. Задние двери были открыты. Мужчина в серой куртке вынес из подъезда картонную коробку и поставил внутрь. Второй мужчина ждал у домофона.

Вера прошла мимо, не замедляя шага. На седьмом этаже за незашторенным окном мигнула красная точка.

Раз. Ещё раз. Два коротких мигания.

Мужчина у домофона поднял голову. Вера не успела понять, смотрит ли он на окно или на неё.

Глава 2. Окно с красной точкой

Вера вошла в свой подъезд, не оглядываясь, и только за второй дверью поняла, что всё это время держала в кармане связку ключей остриём наружу.

Так учила бабушка: если во дворе идёт кто-то чужой, зажми длинный ключ между пальцами. В детстве совет казался Вере тайным оружием. Теперь ключ оставил в ладони красную вмятину, а мужчина от дома номер четырнадцать даже не пошёл за ней. Он остался у домофона, белый фургон остался у крыльца, коробки — в кузове. Ничего, от чего требовалось защищаться.

В подъезде пахло мокрой штукатуркой и кошачьим кормом. На первом этаже горела одна лампа из двух. Вера вызвала лифт, услышала, как кабина медленно тронулась сверху, и пошла пешком. До четвёртого этажа было пять пролётов, если считать полуподвальную площадку. В детстве она всегда считала. После развода снова начала.

Квартира встретила её сухим теплом. Батареи жарили так, будто дом собирался пережить полярную ночь. Вера сняла куртку, поставила ботинки на старую газету и прошла на кухню, не включая свет.

Отсюда дом номер четырнадцать был виден лучше, чем из диспетчерской. Между ним и бабушкиной пятиэтажкой лежал квадрат двора: детская площадка, хоккейная коробка,

три ряда машин и две старые рябины. Вера помнила эти деревья тонкими. Теперь ветви доходили до окон третьего этажа и стучали по фасаду, когда ветер дул с реки.

Белый фургон стоял внизу под фонарём. Мужчина в серой куртке вынес ещё одну коробку. Второй придержал дверь, потом шагнул внутрь. Над ними, на седьмом этаже, красная точка мигала прежним рисунком.

Один длинный. Ещё один длинный. Два коротких.

Вера посмотрела на часы духовки. 08:11. Её часы отставали на три минуты, это она выяснила ещё при переезде, но не исправила. Значит, восемь четырнадцать.

Она одёрнула себя. Время не было служебной тайной, однако она опять собирала событие, для которого никто не просил свидетеля.

В окне рядом с красной точкой появился человек. Не силуэт за занавеской, а женщина в светлом домашнем халате. Она стояла боком, подняв обе руки к карнизу. Полотно шторы соскочило с одного края и висело косо. Женщина потянула его, отступила, исчезла. Красный свет мигнул ещё два раза и погас.

Если это была та самая женщина, голос которой Вера слышала ночью, она выглядела живой и занятой обычным делом. Если это была другая женщина, связь между окном и тревогой существовала только в голове Веры. Если голос был записью, связи не было вовсе.

Вера включила кухонный свет. Стекло сразу стало зерка-

лом, двор исчез за её собственным лицом.

Она поставила чайник и открыла холодильник. На верхней полке лежали яйца, сыр в прозрачной упаковке и половина лимона, которую бабушка уже выбросила бы. На дверце стояла банка варенья с этикеткой «Малина, 2021». Бабушка умерла два года назад, но Вера не решалась открыть банку и не выбрасывала её. Всё остальное в квартире она разбира-
ла решительно: отдала соседке пальто, вынесла стопки газет, сняла ковёр со стены. Малиновое варенье пережило и похороны, и арендаторов, и её возвращение.

Телефон завибрировал на столе. Полина прислала фотографию макета: белые картонные дома стояли на сером планшете, между ними тянулись зелёные нитки дорожек.

«Это общежитие или тюрьма?» — написала дочь.

Вера увеличила снимок. У всех картонных окон были одинаковые чёрные квадраты.

«Если двери открываются изнутри, общежитие».

Полина ответила почти сразу:

«Архитектор года. Как первая смена?»

Вера набрала: «Спокойно». Стерла. Написала: «Было странное учебное срабатывание». Снова стерла.

«Не уснула за пультом».

«Горжусь. Теперь усни дома».

К сообщению был прикреплён улыбающийся кот. Полина ставила кота, когда хотела закончить разговор без чувства вины. Вера знала это и всё равно написала:

«Ты сегодня ела?»

Ответа не пришло.

Чайник щёлкнул. Вера заварила чай и снова выключила свет. Фургон уже закрывали. В кузове осталось узкое тёмное пространство, в котором белели торцы коробок. На одной чёрным маркером было написано что-то короткое. Прочесть с четвёртого этажа она не могла.

Мужчины сели в кабину. Фургон развернулся не сразу: водитель дважды сдавал назад, едва не задев сугроб у хоккейной коробки. Если бы они спешили после преступления, Вера решила бы, что действовали они удивительно неумело. Машина выехала со двора и пропала за торговым центром.

Вера задёрнула штору.

Спальня оставалась почти такой же, какой была в её шестнадцать лет. Только диван заменили на кровать, а письменный стол отдали Полине ещё до школы. На обоях сохранились более светлые прямоугольники от плакатов. Вера легла, завела будильник на четыре часа дня и накрыла глаза ладонью.

За стеной сосед включил радио. В ванной капал кран. По улице прошёл мусоровоз, стекло дрогнуло от низкого звука. Каждый шум имел источник. Вера перечисляла их, пока не провалилась в сон.

Проснулась она в десять сорок семь от двойного сигнала.

Села прежде, чем открыла глаза. Сердце ударило сильно и неровно. Второй двойной сигнал прозвучал через несколько

секунд — с кухни.

Телефон.

Вера встала и прошла по холодному полу. Звонили с незнакомого городского номера.

— Да.

— Вера Николаевна? Отдел кадров «Городского щита». Вам удобно говорить?

Женщина сообщила, что испытательная смена зачтена, медосмотр можно пройти завтра, а вечером её ждут по обычному графику. Голос был молодой, быстрый, без пауз. Вера попросила назвать фамилию, записала номер кабинета и только после этого спросила:

— У вас учебные тревоги отдельно учитываются?

— Какие тревоги?

— Проверка оператора. Мне ночью дали учебный сигнал.

— Это к начальнику смены. Я оформлением занимаюсь.

— В личном деле отмечают результат проверки?

— Если служебная записка будет, отметим. Пока у вас всё хорошо. Олег Андреевич сказал оформлять.

— Он уже был у вас сегодня?

На другом конце наступила короткая тишина.

— Он мне позвонил. Вы медосмотр завтра пройдёте?

Вера согласилась. Женщина повторила адрес поликлиники и положила трубку с такой поспешностью, будто очередь сотрудников стояла перед её столом.

Сон ушёл. Вера поджарила яйцо, съела у окна и решила

спуститься в магазин. Решение было бытовым: хлеб закончился, молока не было. Она не обязана была идти мимо дома номер четырнадцать. Магазин находился в другую сторону, за остановкой. Но мусорные контейнеры стояли у дальнего угла двора, ближе к девятиэтажке, и пакет под мойкой действительно наполнился.

Она оделась, взяла мусор и вышла.

Дневной двор выглядел меньше. Ночь убирала дальнюю стену домов и оставляла отдельные окна; серое утро возвращало облупленный фасад целиком. Дом номер четырнадцать был панельной девятиэтажкой с двумя подъездами. Нижняя часть стены когда-то была зелёной, теперь краска сошла пластами. Над входом висела новая камера в чёрном полушарии. Рядом остались четыре светлых отверстия от снятой таблички.

Вера выбросила пакет и пошла к магазину вдоль хоккейной коробки. Возле подъезда четырнадцатого дома женщина в синем пуховике скребла лопатой утоптаный снег. Дворником она не была: на ногах у неё были светлые сапоги, а лопата выглядела новой. Женщина откалывала лёд только перед одной дверью, резко, со злостью.

На лавке стояла картонная коробка. Таких же Вера видела несколько часов назад. Сбоку чёрным маркером было написано «КУХНЯ».

Вера прошла мимо подъезда, потом остановилась у края дороги, будто пропуская машину. Машины не было.

— Переезжаете? — спросила она.

Женщина упёрлась ладонями в черенок.

— А что?

— Ночью вещи вывозили. Коробку забыли.

— Утром.

— Что?

— Не ночью. Утром приехали. Вы из управляющей?

— Нет, из соседнего дома. Бабушка здесь знакомую навещала. На седьмом этаже, кажется.

Это было почти правдой. Бабушка знала в этом дворе половину жильцов, хотя Вера не помнила, кого именно и в каком подъезде.

Женщина посмотрела на неё внимательнее.

— На седьмом Галина Петровна жила. Умерла давно.

— Может, на шестом. Я ребёнком была.

— Тогда всех знали.

Она снова ударила лопатой по льду. Кусок отлетел к ботинку Веры.

— А сегодня кто переезжал?

— Никто не переезжал.

Вера посмотрела на коробку.

— Это вещи квартирантов. Хозяин попросил вынести. Они ещё осенью съехали.

— В восемь утра?

— Когда машина приехала, тогда и вынесли.

Объяснение было простым и даже скучным. Вера уже хо-

тела попрощаться, когда заметила на коробке бумажную наклейку. На ней было напечатано: «Прихожая 74».

— Семьдесят четвёртая квартира на каком этаже?

Лопата замерла.

— Вы кто всё-таки?

— Я видела в окне красный свет. Хотела узнать, всё ли в порядке.

Женщина выпрямилась. Её лицо стало не испуганным, а усталым.

— У всех всё в порядке.

— Там ночью могла сработать тревожная кнопка.

— У нас нет никаких кнопок.

— Во всём доме?

— Девушка, идите в свой дом.

Вере было сорок два. Девушкой её называли либо продавцы, либо люди, которые хотели закончить разговор, не повышая голос.

Дверь подъезда открылась. Вышел мужчина без шапки, в расстёгнутом пальто. В одной руке он держал телефон, в другой — маленькую отвёртку с красной ручкой.

— Лида, домофон опять заедает, — сказал он и только потом увидел Веру.

Женщина быстро ответила:

— Соседка спрашивает, кто ночью переезжал.

— Никто.

Мужчина произнёс это прежде, чем Вера уточнила время

или фургон.

— Я видела коробки, — сказала она.

— Значит, кто-то вывозил коробки. Переезда не было.

— Из семьдесят четвёртой квартиры?

Он посмотрел на наклейку, сорвал её и смял.

— Рекламщики понаписали.

— На коробке из квартиры?

— Вы полиции помогаете или скучаете?

Лида тихо сказала:

— Костя, не надо.

Мужчина спрятал отвёртку в карман.

— Ночью никто не шумел, никто не звал, ничего не случилось. Я старший по подъезду. Если бы случилось, знал бы.

Фраза была слишком полной. Вера не спрашивала, шумели кто-нибудь и звали ли на помощь.

— А номер с двери снимали?

Костя отвёл взгляд к домофону. На панели не хватало двух пластиковых кнопок, а под камерой тянулся свежий белый провод.

— Какие номера?

— Квартиры. На площадке.

— Там таблички жильцы сами вешают. Хотят — снимают.

Он открыл коробку и стал перекладывать содержимое. Внутри лежали свёрнутый коврик, дешёвая сушилка для посуды, несколько детских книг и круглая жестяная коробка из-под печенья. Не похоже на мусор квартирантов, который

полгода ждал вывоза. Вещи были вытерты от пыли, уложены аккуратно.

Вера увидела край синей ткани с белыми цветами.

Халат мог быть любым. В окне утром женщина была далеко, цвет Вера определила скорее по яркости, чем по оттенку. И в голосе ночью не было ничего, что связывало бы его с одеждой.

— Заберите коробку в подъезд, — сказала Лида. — Нам ещё не хватало, чтобы растащили.

— Куда? — спросил Костя.

— В семьдесят четвёртую.

Они оба замолчали.

Лида первой посмотрела на Веру. Потом нагнулась, схватила коробку за прорези и понесла к двери.

— Так квартира не пустая? — спросила Вера.

— Хозяин потом решит, — ответила Лида.

Костя придержал дверь. Коробка задела косяк, жестянка внутри звякнула. Вера услышала быстрый шёпот, но слов не разобрала. Дверь захлопнулась. На домофоне остался отпечаток мокрой перчатки.

В магазине она купила хлеб, молоко, гречку и батарейки, хотя дома батарейки были. Перед кассой вспомнила, что не взяла пакет, и купила ещё один. Продащица пробила покупки, не поднимая головы.

— В четырнадцатом доме свет опять отключали? — спросила Вера.

— Не знаю.

— Ночью машина стояла.

— Машины везде стоят.

За Верой в очереди вздохнули. Она расплатилась и вышла.

На обратном пути дверь четырнадцатого дома была закрыта. Лиды и Кости не было. Под лавкой лежала смятая наклейка. Вера могла поднять её. На ней не было ни тайны, ни персональных сведений: два слова и номер квартиры. Но жест был бы похож на сбор доказательств, а доказательств пока не существовало.

Она прошла мимо.

У своего подъезда Веру окликнули.

— Верочка? Вот так вернулась и не сказала.

На лавке у стены сидела Раиса Семёновна с первого этажа. Вера помнила её высокой и костлявой, с красными волосами. Теперь волосы стали белыми, а сама соседка будто сложилась пополам, но голос сохранился — звонкий, требовательный.

— Я только неделю как приехала.

— Неделя — это семь дней. Можно было на первый этаж спуститься.

Вера поставила сумку на лавку и позволила себя обнять. От Раисы Семёновны пахло камфорной мазью.

— Насовсем? — спросила соседка.

— Пока не знаю. Работу нашла.

— Где?

Вера показала на торговый центр.

— В охране? В будке сидишь?

— В диспетчерской.

— Тогда спроси у своих, зачем они по ночам в четырнадцатый ездят.

Вера медленно села рядом.

— Часто ездят?

— Да не знаю, чьи они. Машина белая, формы нет. Сейчас все без формы. Раньше милиция приезжала — сразу понятно.

— Сегодня видели?

— Я спала сегодня. Вчера видела. Или позавчера.

Раиса Семёновна задумалась, считая дни по каким-то своим приметам.

— В четверг капельницу ставили, значит, в среду машина была. А может, после полуночи уже четверг.

— Коробки выносили?

— Какие коробки?

— Из подъезда.

— Не видела. Там квартиры продают, вот и таскают. Лидка продала бы, да куда ей с матерью? Костя всё собрания устраивает, будто он председатель государства. Ты с ними не связывайся.

— А семьдесят четвёртая квартира чья?

Соседка повернулась всем корпусом.

— Откуда я знаю их номера? Я там не живу.

— Бабушка кого-то на седьмом этаже навещала.

— Галю. Но Галя на шестом жила, в шестьдесят второй. На седьмом Зоя была, она к дочери уехала. Потом, говорят, обратно приехала.

— В каком халате Зоя ходит?

Раиса Семёновна посмотрела на Веру так, как смотрят на человека, забывшего простое слово.

— Ты чего?

— Ничего. Увидела утром женщину, подумала, знакомая.

— С высоты халат разглядела?

— Светлый.

— Тогда половина дома тебе знакомая.

Вера улыбнулась, и соседка тоже. От этого стало легче. Раиса Семёновна начала рассказывать, как менялись жильцы, кто залил кого прошлой весной и почему новый домофон хуже старого. В её рассказе дом номер четырнадцать был не тайным сооружением, а обычным домом, где люди ругались из-за платежей и клали рекламу на батарею. Вера слушала и иногда задавала вопросы.

За последние месяцы из первого подъезда действительно выехали несколько семей. Две квартиры купил один человек, имя которого Раиса Семёновна не знала. В пустых квартирах делали ремонт по ночам, но жильцы пожаловались, и шум прекратился. Белый фургон появлялся часто. Красного света соседка не замечала, потому что вечером закрывала шторы.

— А тревожные кнопки там ставили?

— Кому?

— Жильцам.

— Может, богатым. Только богатые оттуда как раз уехали. Раиса Семёновна поднялась с лавки, опираясь на палку.

— Ты после ночи не сиди. Иди спать. У твоей бабушки тоже было: если не поспит, начинает из окна жизнь устраивать.

Вера взяла пакет.

— Она не устраивала.

— Конечно. Только знала, кто во сколько пришёл и с чем ушёл.

Уже в подъезде соседка сказала:

— Верочка, а мать твоя знает, что ты вернулась?

— Знает.

— Тогда хорошо.

Вера не спросила, почему это хорошо. Мать жила в ста километрах и после похорон сюда не приезжала. Для Раисы Семёновны взрослый человек всё равно нуждался в другом взрослом, который знал, где он находится.

Дома Вера убрала продукты, легла и на этот раз уснула без снов. Будильник поднял её в четыре. За окном уже синело. Она сварила гречку, приняла душ и открыла ноутбук, чтобы заполнить анкету для медосмотра.

В истории браузера остался запрос Полины о железнодорожном происшествии. Дочь искала его три месяца назад,

когда Вера впервые сказала, что увольняется. Название станции, год, слово «остановка». Вера закрыла историю, не открывая ссылок.

Ей не требовалась статья, чтобы помнить тот день. Учебная запись пришла на резервную линию во время настоящей проверки оборудования. Голос сообщил о препятствии на пути. Вера остановила движение, хотя номер поезда не совпал, кодовая фраза была устаревшей, а второй диспетчер не подтвердил сообщение. Потом выяснилось: файл запустили на учебном компьютере, но кабель после ремонта подключили к рабочему усилителю. Ошибка была не только её. Решение — её.

На разборе начальник трижды спросил, почему она не дождалась подтверждения. Вера отвечала: потому что если бы препятствие существовало, ожидание могло стоить жизней. Ей указали, что ложная остановка тоже могла привести к аварии. Никто не пострадал. Но каждый человек в комнате говорил с ней так, будто случайно выпавшая удача была единственным смягчающим обстоятельством.

Теперь Ракитин устроил учебную тревогу с живым голосом, и Вера опять не умела отличить осторожность от ошибки.

Она заполнила анкету. В графе «нарушения сна» поставила «нет».

В половине шестого позвонила Полина.

— Ты спала?

— Пять часов.

— Это не ответ на вопрос.

— Спала.

Дочь шла по улице; в трубке шумели машины и звякал трамвай.

— Ты написала про учебное срабатывание и стёрла, — сказала Полина.

Вера посмотрела на телефон. В приложении иногда оставалась пометка, когда собеседник набирал сообщение, но стёртый текст оно не показывало.

— Откуда ты знаешь, что именно?

— Уведомление успело прийти на часы. Потом осталось только про сон. Что случилось?

— Ничего. Проверяли новичка.

— И ты проверку прошла?

— Оформляют в штат.

— Поздравляю. Почему тогда голос такой?

Вера могла рассказать про женщину, фургон, коробку и соседей, которые отвечали до вопроса. Полина выслушала бы, потом нашла бы номер управляющей компании, карту дома, объявления о продаже квартир. Через час она знала бы больше, чем Вера, а через два спросила бы, зачем мать после прежней истории снова строит вывод из одного голоса.

— Не выпалась, — сказала Вера.

— Мам.

— Я не собираюсь никуда лезть. Просто первая ночь.

— Я не говорила про «лезть».

Вера закрыла глаза. Опять. Она сама добавила слово, которого не было в вопросе, как Костя добавил шум и зов о помощи.

— У меня вечером смена, — сказала она. — После неё позвоню.

— Ты обещала, что новая работа будет спокойнее.

— Она спокойнее.

— Хорошо. Тогда не доказывай мне это, просто поешь.

Они попрощались. Вера положила телефон рядом с вареньем и посмотрела в окно.

На седьмом этаже дома номер четырнадцать шторы теперь висели ровно и были плотно закрыты. Красная точка не мигала. Внизу у подъезда Костя разговаривал с женщиной в тёмной куртке. Даже с такого расстояния Вера узнала Олега Ракитина по светлой полосе шарфа.

Они не прятались. Стояли под камерой, пожали друг другу руки, посмотрели на дом. Ракитин передал Косте плоский белый пакет — возможно, документы. Костя сунул его под пальто.

Потом Ракитин поднял голову.

Вера отступила от окна. Слишком поздно: кухонный свет горел за её спиной, превращая её в ясный силуэт.

Телефон снова завибрировал.

Сообщение пришло с номера отдела кадров.

«Вера Николаевна, Олег Андреевич просил напомнить:

сегодня начало в 20:00. На разбор ночного учебного сигнала приходить раньше не нужно».

Она прочла дважды. Про разбор спрашивала утром Лена, не Вера. Отделу кадров Вера задала только вопрос об отметке в личном деле. Ракитин мог получить пересказ звонка. В этом не было ничего необычного: начальнику сообщили, что новенькая интересуется проверкой.

Вера набрала: «Где можно прослушать учебную запись?»

Не отправила.

За окном Ракитин всё ещё смотрел в сторону её дома. Потом достал телефон. Экран засветил снизу его лицо.

В ту же секунду красная точка появилась снова — не за шторами седьмого этажа, а этажом выше, в соседнем окне.

Один длинный свет. Второй. Два коротких.

Вера подошла к стеклу вплотную. Точка мигнула ещё раз и сместилась вправо.

Это был не прибор на стене. Кто-то нёс его по комнате.

Штора качнулась. На секунду в щели показалась рука с маленьким прямоугольным устройством. Рука исчезла, красный свет погас.

Ракитин отвернулся от дома Веры и вошёл в подъезд номер четырнадцать. Костя пропустил его первым.

Вера посмотрела на неотправленный вопрос. Удалила его и открыла чистую заметку. Не адрес, не фамилию жильца, не содержание ночного вызова. Только то, что она могла за-

конно помнить о собственной жизни.

«17:43. Красный индикатор перенесли с седьмого на восьмой этаж. О. Р. вошёл в дом».

Она перечитала и убрала инициалы.

«17:43. Красный индикатор двигался в окне восьмого этажа».

Так запись стала аккуратнее и бесполезнее. Любая красная лампочка могла двигаться в любом окне. Человек мог быть кем угодно. Время на домашних часах могло отличаться на три минуты.

Вера сохранила заметку.

Перед выходом она достала из ящика новые батарейки и вставила одну в кухонные часы. Потом выставила точное время по телефону.

Когда она закрывала дверь квартиры, из-за стены снова заиграло радио. Диктор объявлял погоду: ночью обещали снег и сильный ветер. Вера проверила замок один раз, спустилась и пошла к торговому центру по освещённой стороне двора.

Окна дома номер четырнадцать смотрели ей вслед. Ни в одном не было красного света.

Глава 3. Нулевой журнал

К восьми вечера снег превратился в мелкую сухую крупу. Она шуршала по капюшону и собиралась в швах тротуарной плитки. Вера вошла в торговый центр за семь минут до начала смены и сразу увидела Ракитина у стойки охраны.

Он разговаривал с дневным охранником и держал в руке тот же плоский белый пакет, который передал Косте у четырнадцатого дома.

Или такой же.

Белые пакеты для документов продавались в любом магазине. Этот был помят у левого края, но с четвёртого этажа Вера не могла увидеть вмятину. Она отметила сходство и тут же назвала его сходством, не фактом.

— Добрый вечер, — сказал Ракитин. — Как настрой?

— Рабочий.

— Вот и хорошо. Кадры тебя не замучили?

— Только медосмотром.

— Это законная часть мучений.

Он поднял пакет, будто вспомнил о нём, и положил на стойку перед охранником.

— Здесь акты по эвакуационным дверям. Фомину отдашь, если появится.

Охранник кивнул и прижал пакет журналом посетителей. Ракитин пошёл к лестнице. Вера задержалась, снимая бахи-

лы с рулона, хотя могла пройти без них.

На пакете синей ручкой было написано: «О. Р., лично». Ни слова об эвакуационных дверях.

— Девушка, проходите, не загораживайте, — сказал охранник.

Вера прошла.

В диспетчерской работала Лена. Тамара Евгеньевна должна была прийти к полуночи, Миша заболел. На свободном пульте стояла кружка Ракитина, хотя сам он вошёл в кабинет и закрыл дверь.

— Ты рано, — сказала Лена.

— Семь минут.

— Для ночной смены это рано. Большинство является за тридцать секунд и считает, что подарило компании жизнь.

Она говорила бодро, но под глазами легли серые тени. Вера сняла куртку и спросила:

— Нашла вчерашнее учение?

Лена перестала листать журнал.

— Олег Андреевич сказал, стенд не туда записал. Техники подчистили.

— Что значит «подчистили»?

— Убрали из рабочей базы.

— В учебную перенесли?

— Наверное.

— Утром там не было.

— Значит, не перенесли.

Лена потянулась за кружкой и обнаружила, что та чужая.

— Слушай, если тебе для оценки нужно, попроси у него служебку. В базе учебный мусор не держат.

— Номер строки тоже удаляют?

— Не знаю. Я не администратор.

Она встала и уступила место. Передача смены заняла четыре минуты: две неисправные двери, один объект без связи, две группы на маршруте. Лена назвала номера машин и пароли дня, расписалась в бумажном журнале. Рядом с её подписью стояло 19:58.

Вера расписалась в 19:59.

— А если строку удаляют, нумерация пересчитывается?
— спросила она.

— Ты серьёзно решила поймать программу на нарушении?

— Хочу понимать, как она работает.

— Тогда Фомина пытай. Он знает, где у неё кишки.

— Это электрик?

— Электрик, связист и человек, который виноват во всём, пока не найдут настоящего виноватого.

Лена надела куртку. У двери обернулась:

— Вера, совет на испытательный срок. Если начальник назвал что-то учебным, считай учебным. Здесь платят не за расследования.

— Я не расследую.

— Тем лучше.

Дверь закрылась. В стекле кабинета отразился монитор Веры. Ракитин сидел спиной к залу, но отражение позволяло ему видеть каждый пульт.

Первые два часа прошли спокойно. Вера приняла снятие офиса с охраны, проверила задержку сигнала в ювелирном магазине и дозвонилась владельцу павильона, который трижды ошибся с кодом. Она действовала по карточкам, не оставляла пустых полей и не смотрела на дом напротив.

В 22:14 дверь открылась, и вошёл мужчина в синем рабочем комбинезоне. Он был невысоким, широкоплечим, с седой щетиной и тяжёлой серой папкой под мышкой. На груди висел пропуск: «Фомин Сергей Аркадьевич».

— Кто меня сегодня потерял? — спросил он.

Ракитин вышел из кабинета.

— Первый этаж. Акты у охраны.

— Если отдал охране, значит, не мне.

— Серёж, заberi и закрой вопрос.

— Вопрос дверью хлопает. Его закрывать поздно.

Фомин положил папку на край свободного стола и посмотрел на Веру.

— Новая?

— Вера Николаевна.

— Сергей Аркадьевич. Если монитор погаснет, сначала проверьте, не выдернули ли уборщицы вилку. Потом зовите меня. Если позовёте сразу, я всё равно сначала проверю вилку.

— Запомню.

— Не запоминайте, записывайте. Память любит делать человека умнее задним числом.

Ракитин взял свою кружку со свободного пульта.

— Не учи оператора плохому. У нас служебные записи по залу не гуляют.

— Наряд — не запись, а алиби, — ответил Фомин. — Моё.

Он поднял папку и вышел. Ракитин проводил его взглядом.

— Старой школы, — сказал он. — Компьютерам не доверяет.

— Поэтому бумага?

— Поэтому три шкафа бумаги. Если бы Сергей собирал все свои наряды дома, жена давно выставила бы его вместе со шкафом.

Ракитин вернулся к себе. Через десять минут из коридора донёсся грохот стремянки и ругань. Потом погас верхний ряд ламп. Мониторы продолжали работать от отдельной линии.

Вера открыла журнал за предыдущую смену. Между событиями 18431 и 18433 по-прежнему был разрыв. Она нажала на номер 18431. Карточка банкомата открылась. Кнопка «следующая запись» перевела её сразу к 18433 — замёрзшему датчику склада.

Внизу карточки стояла строка: «Экспорт звука». Вера на-

жала её. Система показала папку с файлами, названными по номерам событий. После 18431 шёл 18433.

Она вернулась в журнал и выбрала учебный раздел. Семь прежних проверок. Ничего за вчерашнюю ночь.

У программы был общий поиск. Вера ввела время — от 02:10 до 02:20. Результат показал только автоматическую проверку связи в 02:12. Ввела адрес без номера квартиры. Ноль результатов за сутки, три результата за месяц: неисправность подъездной двери, постановка магазина на первом этаже, вызов техника к кабелю. Ввела номер события 18432.

«Запись отсутствует».

Не «нет доступа». Не «удалено». Просто отсутствует.

Вера не фотографировала экран и не переписывала адрес. Она открыла бумажный журнал передачи смен. Между 01:00 и 06:00 там не было событий: операторы заносили только незакрытые случаи, которые переходили следующей смене. Учебная тревога закрылась сразу и на бумагу попасть не должна была.

Грохот в коридоре повторился. Ракитин повысил голос:

— Фомин, предупреждать надо!

— Я наряд оставил в девятнадцать ноль пять!

— Где?

— Там, где наряды лежат, а не где ты их ищешь!

Вера закрыла поиск и приняла входящий сигнал. В офисе туристической фирмы датчик движения сработал после постановки. Ответственная женщина сказала, что внутри

остался директор; группа не требовалась. Вера попросила кодовое слово, получила верное, записала объяснение. Красная строка стала зелёной и сохранила каждое действие.

Вот как должна выглядеть история события. Не обязательно идеальная, но последовательная. Сигнал, звонок, ответ, решение. Если бы директор утром отрицал, что был в офисе, журнал не исчез бы вместе с его словами.

Фомин вошёл, неся стремянку на плече.

— Свет через минуту моргнёт, — сказал он. — Пульты не тронет, но сохранитесь, если романы пишете.

— Я не пишу, — ответила Вера.

— Все так говорят, пока жёны историю браузера не отключают.

Он поставил стремянку у стены, открыл электрический щит и проверил автоматы отвёрткой с прозрачной ручкой.

Вера посмотрела на серую папку, которую он положил под стремянкой.

— Сергей Аркадьевич, вы знаете, после удаления записи номера в журнале сдвигаются?

— В каком журнале?

— Рабочем.

— Они нигде не сдвигаются. Номер присвоен — всё. Удалить можно карточку, номер останется дырой.

— А звук?

Фомин повернул отвёртку между пальцами.

— Какой звук?

— При событии. Он лежит под тем же номером?

— Если модуль оплачен и канал пишет, под тем же. Если не оплачен, лежит пустой файл с отметкой. Если администратор не полез руками.

— А кто администратор?

Из кабинета донёсся голос Ракитина:

— Я всё слышу, Сергей.

Фомин усмехнулся.

— Значит, не надо отвечать.

Он щёлкнул автоматом. Свет погас и включился. На экране Веры на секунду появилась синяя полоса. Журнал обновился, но разрыв остался.

— А нулевой объект бывает? — спросила она.

Фомин уже закрыл щит.

— Всё бывает. Вопрос, сколько секунд.

— В смысле?

— Новую панель подключают — она приходит нулём, пока сервер не подтянет карточку. Старую снимают — иногда тоже. Но оператор такое не видит. Техник видит.

— Я видела.

— Тогда либо сервер тормозил, либо кто-то захотел, чтобы вы увидели.

Ракитин открыл дверь кабинета.

— Сергей, акты.

— Заберу.

— Сейчас.

Фомин поднял папку.

— Свет работает. Всё остальное не моя смена.

Он вышел. Ракитин остался у двери.

— Что именно ты видела нулевым?

— Учебную тревогу.

— Вчерашнюю?

— Других не было.

— Поэтому и ноль. Я же объяснил.

— Вы сказали, это стенд. Сергей говорит, оператор нулевой объект не видит.

— Сергей чинит розетки. Настройки программы не его дело.

— Лена сказала, голосовой модуль не оплачен.

— А Лена у нас теперь бухгалтер?

Он говорил без раздражения, как преподаватель, который разбирает неверный ответ. Вера почувствовала знакомое желание уступить не потому, что поверила, а потому, что спор становился унижительным.

— Я хочу прослушать запись, — сказала она.

— Зачем?

— Это была проверка моей работы.

— Ты её прошла.

— Тогда запись можно показать.

Ракитин подошёл к её пульту. Вера не убрала руки с клавиатуры. Он не пытался взять мышь, только посмотрел на журнал.

— Покажи, где искала.

Она ввела интервал времени. Автоматическая проверка связи появилась одна.

— Не там, — сказал Ракитин. — Учебный сервер отдельно.

— В учебном разделе тоже нет.

— Раздел — не сервер.

Он открыл служебное меню. Вера видела в нём восемь пунктов, но Ракитин быстро выбрал последний. Появилось окно авторизации. Он приложил пропуск к боковой панели монитора, ввёл пароль, закрывая клавиатуру ладонью.

На экране открылся список файлов без адресов. Время, длительность, тип. В 02:16 стоял файл длительностью сорок семь секунд.

— Вот, — сказал Ракитин.

У Веры пересохло во рту.

— Включите.

Он нажал на строку. Значок загрузки повернулся и остановился.

«Носитель недоступен».

— Техники унесли стенд, — сказал Ракитин.

— Файл на стенде?

— Ссылка на стенде. Здесь только указатель.

— Почему тогда из рабочего журнала удалили само событие?

— Потому что оно учебное.

— А номер оставили дырой.

— Номер никому не мешает.

— Мне мешает.

Ракитин закрыл служебное окно и придвинул соседний стул. Он сел не напротив, а рядом, так что оба смотрели на монитор.

— Вера Николаевна, давайте прямо. После вчерашнего отдел кадров поднял ваши рекомендации. Я знаю про обстановку движения.

Она ждала этого с первой минуты, но всё равно ощутила удар в груди.

— Это не было скрыто.

— В бумагах — «по собственному желанию».

— Если запросили рекомендации, вам объяснили.

— Объяснили сегодня. Я не собираюсь увольнять вас за осторожность. Наоборот, осторожный оператор мне нужен. Но есть разница между осторожностью и попыткой второй раз выиграть старый спор.

— Я не спорю о железной дороге.

— Тогда зачем вам запись?

— Чтобы знать, что слышала.

— Женщина просила не звонить. Сказала, что человек у двери снял номер квартиры. Потом были удары по трубе. Очень убедительная постановка. Вы отреагировали правильно.

Вера повернулась к нему.

Ракитин улыбнулся, ожидая, что подробности её успокоят.

— Откуда вы знаете про трубу?

Улыбка осталась, но стала неподвижной.

— Из сценария.

— Вы его писали?

— Заказывал у учебного отдела.

— Какого учебного отдела?

— Нашего подрядчика.

— Название?

— Зачем оно вам?

— Чтобы понять, где носитель.

Ракитин встал. Стул мягко откатился к пустому пульта.

— Вы начинаете вторую смену, а уже просите доступ к подрядчикам и архиву. Это не осторожность.

— При вас я сказала только про номер на двери. Про уда-
ры не говорила.

— Вы могли сказать Тамаре.

— Не говорила.

— Значит, я слышал из наушников.

— Вы надели их после того, как связь оборвалась.

— Вера, я стоял рядом. Громкость могла быть включена.

— Звук шёл в гарнитуру.

Он посмотрел на неё без улыбки. За стеклом кабинета горела зелёная лампа, и её отражение лежало на его щеке.

— Вы правда хотите, чтобы я защищался от обвинения в

том, что знаю собственный учебный сценарий?

— Я ничего не обвиняю. Я спрашиваю, откуда вы знаете деталь.

— А я отвечаю: из сценария.

— Покажите сценарий.

Ракитин взял со стола кружку.

— Нет.

Ответ прозвучал проще и честнее всех предыдущих.

— Почему?

— Потому что это внутренний материал руководителя. И потому что проверка закончена. Если продолжите открывать служебные разделы без задачи, испытательный срок закончится тоже.

— Вы сами открыли раздел.

— На моём доступе. Чтобы вас успокоить.

Он пошёл к кабинету, затем остановился.

— И ещё. Не записывайте наблюдения за домом. Ни в рабочий блокнот, ни в телефон.

Вера почувствовала, как пальцы сами легли на карман брюк.

— Какие наблюдения?

— Вы спрашивали про красную точку. Если сотрудник охраны начнёт собирать сведения о жильцах, это будет выглядеть плохо для всех.

— Я не записывала сведения о жильцах.

— Прекрасно. Значит, мы поняли друг друга.

Он закрыл дверь кабинета.

Вера посмотрела на свой монитор. В журнале появилась новая жёлтая строка: потеря питания в магазине тканей. Время 23:03. Она позвонила ответственной, отправила техника, заполнила карточку. Пока работала, ладони перестали дрожать.

Ракитин мог знать про удары из сценария. Это объяснение существовало и не требовало тайного прослушивания. Но сценарий, который нельзя показать проверяемому сотруднику, был таким же доказательством, как отсутствующий звуковой файл: он объяснял всё именно потому, что проверить его было нельзя.

В 23:40 пришла Тамара Евгеньевна. Она принесла два контейнера с едой и сразу заметила свободное кресло.

— Миша ещё болеет?

— Температура, — ответил Ракитин через открытую дверь. — Сегодня втроём.

Тамара села, просмотрела активные события и спросила Веру:

— Освоилась?

— Почти.

— Почти не считается. Либо тонешь, либо уже плаваешь.

Ракитин вышел в коридор с телефоном. Вера дождалась, пока дверь лестницы закроется.

— Вы слышали в ту ночь удары по трубе?

Тамара подняла голову.

— Когда?

— Во время учебной тревоги.

— Я с баром разговаривала. Потом подошла.

— Я вам пересказывала звук?

— Ты сказала про женщину и дверь. Кажется.

— Про удары?

— Не помню.

Это был правильный ответ. Не удобный, а точный.

— А Ракитин мог слышать мою гарнитуру?

— Если включено дублирование у него в кабинете.

— Было включено?

Тамара посмотрела на стеклянную стену.

— Он вышел сразу. Значит, мог услышать начало.

— Почему тогда не спросил, что случилось?

— Потому что увидел экран.

— Он назвал объект «ноль-четырнадцать».

— Адрес был на экране.

— С его места?

Тамара вздохнула.

— Вера, я ночью не измеряла, где он стоял. Хочешь сказать, это была настоящая тревога?

— Не знаю.

— Тогда что хочешь?

— Чтобы запись осталась там, где была.

Тамара открыла контейнер. Запах варёной капусты смешался с горячей пылью от батарей.

— Тут ты не по адресу работаешь. У нас всё время что-то исчезает, потому что места на сервере жалеют. Но люди обычно помнят.

— Вы помните строку?

— Помню, что подходила к твоему пульта.

— Красную?

— Сначала белую. Потом красную. После Олег серой сделал.

— Значит, она была.

— Я и не говорю, что не была.

Вера почувствовала облегчение, почти благодарность, и разозлилась на себя. Тамара подтвердила только цвет на экране. Сам факт, что кто-то ещё помнил событие, не превращал его в преступление.

Дверь лестницы открылась. Ракитин вернулся, стряхивая снег с плеч. Он не мог выходить на улицу за одну минуту через главный вход. Значит, пользовался дверью на технический балкон или курил у открытого окна.

— Сергей акты забрал? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Тамара.

Ракитин позвонил на охрану. Белый пакет всё ещё лежал под журналом. Он выругался беззвучно и снова вышел.

Вера приняла ещё два сигнала. В половине второго попросилась в столовую. Тамара махнула рукой.

На первом этаже было темно. Аптека закрылась, только зелёный крест продолжал менять цифры температуры.

Охранник спал, положив голову на руки. Белого пакета на стойке не было.

Вера налила воду из автомата и услышала голоса за служебной дверью. Один принадлежал Ракитину, второй — Фомину.

— Я не подпишу задним числом, — сказал Фомин.

— Ты был здесь.

— Я был здесь в девятнадцать пять, а перезапуск стоит в два двадцать.

— Потому и надо подписать: ты его делал.

— В два двадцать я дома был.

— Удалённо запускал.

— Я удалённо только телевизор выключаю, когда жена пульт отдаёт.

Послышался шелест бумаги.

— Сергей, там ошибка времени. Она ни на что не влияет.

— Если не влияет, исправь время.

— Система выгрузила как есть.

— А бумага зачем? Чтобы не как есть.

Вера стояла у автомата, держа полный стакан. Вода перелилась через край и потекла по пальцам. Она поставила стакан на поддон.

Дверь открылась. Фомин вышел первым. Серую папку он прижимал к груди, белый пакет держал двумя пальцами, словно грязную тряпку. Увидев Веру, не удивился.

— Вода хорошая? — спросил он.

— Мокрая.

— Уже достижение.

Ракитин появился за ним.

— Подслушивать нехорошо.

— Тогда не разговаривайте у столовой.

Фомин коротко рассмеялся. Ракитин не посмотрел на него.

— Возвращайтесь на пульт, Вера Николаевна.

Она вытерла руку салфеткой и пошла к лестнице. На втором пролёте Фомин догнал её.

— Новая, — тихо сказал он.

Вера остановилась.

— Что?

— Ничего не спрашивайте сегодня. Завтра у меня шкафы будут списывать. Если хотите понять, как у нас время ходит, принесите кофе без сахара.

Он прошёл мимо, не дожидаясь ответа.

В диспетчерской Тамара закрывала тревогу в ломбарде. Ракитин вернулся через пять минут и положил белый пакет в нижний ящик своего стола. Ключ повернул дважды.

До утра он больше не заговаривал с Верой об учебной записи. В 05:50 ушёл, сказав, что едет на встречу. На этот раз направился к парковке за торговым центром, и Вера заставила себя не подходить к жалюзи.

В семь пришла Лена. Передавая смену, Вера назвала неисправности и открытые вызовы. Потом показала разрыв в

журнале.

— Восемнадцать четыреста тридцать два, — сказала она.
— Если удалить учебную карточку, номер остаётся пустым?
Лена пожала плечами.

— Я же сказала, не знаю.

— Сергей говорит, остаётся.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Чтобы ты запомнила номер.

Лена посмотрела на неё настороженно.

— Мне это не нужно.

— Хорошо.

Вера не настаивала. Расписалась в бумажном журнале и пошла в раздевалку.

На первом этаже дневной охранник сменил ночного. Белого пакета нигде не было. Фомин стоял у служебного выхода и курил, хотя над дверью висел знак запрета. У его ног лежала серая папка.

Вера купила в автомате кофе без сахара. Пластиковый стакан обжигал пальцы.

— Это взятка? — спросил Фомин.

— За экскурсию к шкафам.

— Тогда мало.

Он затушил сигарету в банке с песком, взял стакан и открыл служебную дверь пропуском.

За дверью начинался короткий коридор с трубами под потолком. В конце стояли три металлических шкафа, исписан-

ные датами. Фомин открыл средний. Внутри лежали серые папки по месяцам.

— Всё это ваши алиби?

— Мои, монтажников и тех, кто потом говорит, что ничего не трогал.

Он нашёл папку с текущим месяцем, пролистал наряды. Каждый был напечатан на тонкой бумаге, а снизу имел копию другого оттенка. Фомин остановился на листе с загнутым углом.

— Вот вчера. Точнее, позавчера ночью.

В строке времени стояло: 02:20. Работа: «Перезапуск стойки 2 по удалённой команде». Исполнитель: Фомин С. А. Подписи не было.

— Вы этого не делали?

— Я в двадцать два тридцать ушёл. Пропуск покажет. Удалённого доступа у меня нет.

— Кто распечатал наряд?

— Утром принтер выплюнул. Наряды создаются автоматически, когда администратор назначает работу.

— Администратор — Ракитин?

— Один из двух. Второй в отпуске.

Фомин вынул из кармана сложенный вчетверо лист. Это была жёлтая копия того же наряда, но в строке работы стояло другое: «Проверка линии питания стойки 2». Время — 19:05.

— Это мне вчера вечером дали, — сказал он. — Я свет

проверил. Сегодня утром белый экземпляр уже другой.

— Можно заменить текст после печати?

— Можно заменить задание в системе и напечатать заново. Нельзя заставить мою копию передумать.

Вера сравнила номера нарядов. Они совпадали.

— В 02:20 пропала запись тревоги, — сказала она.

— Я не спрашивал, что пропало.

— А я говорю только время.

Фомин забрал оба листа.

— И правильно. Адреса мне не нужны.

— Почему вы храните копии?

— Потому что три года назад на складе сгорел блок, а по журналу выходило, будто я отключил защиту. Потом нашли мой наряд: меня вызвали уже после дыма. С тех пор бумага живёт отдельно.

— Ракитин знает?

— Что я бумагу люблю? Смеётся каждый день.

— Что у вас есть старая копия этого наряда?

Фомин сложил жёлтый лист и убрал во внутренний карман.

— Теперь не узнает.

Он закрыл шкаф.

— Вера Николаевна, один неправильный наряд не делает из начальника преступника. Может, он скрывает сбой, чтобы хозяин премию не снял. Может, техник ошибся. Может, время на сервере прыгнуло.

— На четыре часа сорок пять минут?

— Часы умеют прыгать далеко, если им дать хорошего начальника.

— А голос умеет исчезать?

Фомин посмотрел на неё внимательно.

— Какой голос?

— Неважно.

— Вот и держите это слово. Пока неважно — не рассказывайте историю. Собирайте только то, что можно положить рядом и не объяснять.

Он поднял папку и пошёл к лестнице.

Вера осталась у металлических шкафов. За стеной начал работу торговый центр: звякнула решётка аптеки, загудела поломоечная машина, кто-то громко поздоровался с охранником. Обычное утро складывалось из звуков, каждый из которых скоро забудут.

Она не могла вынести наряд, сфотографировать его или попросить Фомина спрятать ради неё. Могла только помнить два времени: 19:05 и 02:20. Одно стояло на старой копии, другое — на новой. Между ними исчезла запись 18432.

На улице снег прекратился. Дом номер четырнадцать был виден целиком. На седьмом и восьмом этажах не горело ни одного окна.

Вера достала телефон, открыла вчерашнюю заметку и не добавила туда номер события. Рабочие сведения должны остаться на работе. Вместо этого написала Полине:

«Смена спокойная. Иду спать».

Это было неправдой только наполовину. Смена действительно закончилась спокойно. Всё тревожное к началу утра уже удалили.

Глава 4. Бумага Фомина

Вера проспала два часа и проснулась от звонка домофона.

Сначала ей показалось, что звук идёт из гарнитуры. Она села на диване, прижала ладонь к уху и только потом увидела серый утренний свет, чашку на подоконнике и собственные брюки, брошенные на стул. В прихожей продолжал дребезжать домофон.

— Кто?

— Почта. Вам заказное.

Она нажала кнопку, хотя ничего не ждала. Пока лифт полз вверх, Вера успела вспомнить пустой номер в журнале, два наряда с одинаковым номером и фразу Ракитина об ударах по трубе. Все три воспоминания явились сразу, будто не спали вместе с ней.

За дверью стояла молодая женщина в синей куртке и протягивала конверт соседу. Она ошиблась этажом. Извинилась, вызвала лифт и уехала.

Вера закрыла дверь на оба замка. На кухне часы показывали без четверти двенадцать. Полина прислала фотографию макета: белые кубики на сером картоне, между ними тонкие деревья из проволоки. Под снимком было написано: «Ты спишь или уже спасаешь город?»

Вера ответила: «Сплю. Город пусть подождёт».

Она понимала, что дочь шутит о её прежней работе, не о

нынешней. Полина не знала про дом напротив, нулевой объект и исчезнувший голос. Рассказать ей значило услышать разумные вопросы. Почему Вера уверена, что не перепутала время? Почему не написала служебную записку? Почему продолжает работать там, где начальник угрожает испытательным сроком? На каждый вопрос имелся ответ, но вместе ответы звучали бы как оправдание.

Вера задёрнула шторы и легла снова. Сон не пришёл. За стеной сосед двигал стул, во дворе с металлическим скрежетом очищали снег, в батарее перекачивалась вода. Она пыталась разложить услышанное по порядку, но порядок всё время превращался в рассказ. В рассказе Ракитин заранее подготовил учебную тревогу, заманил её нулевой карточкой, стёр запись и подменил наряд. Это объясняло слишком многое, а потому нравилось уставшему мозгу.

Фомин велел складывать рядом только то, что не требовало объяснений.

Вера достала из ящика старую тетрадь бабушки. На первой странице сохранился список лекарств и телефоны поликлиники. Вырывать лист она не стала. Открыла с конца и написала дату.

«В рабочем журнале нет события 18432».

Подумала и зачеркнула номер. Выносить его с работы она не собиралась даже в собственной памяти.

Написала иначе:

«Между двумя видимыми событиями есть один пропуск».

Следующей строкой: «Начальник пересказал подробность, которую я при нём не называла».

Третьей: «Две бумаги с одним номером содержали разное время и разную работу».

Она перечитала. Вторая строка всё ещё зависела от её памяти. Третью подтверждал Фомин, но обе бумаги сейчас находились у него. Первая существовала только на рабочем экране. Ни одну нельзя было принести человеку со стороны и положить на стол.

Вера закрыла тетрадь. Ей стало не спокойнее, зато страх уменьшился до трёх коротких предложений.

К четырём она всё-таки уснула. В половине шестого телефон разбудил её снова.

Звонил Фомин.

— Вера Николаевна, вы сегодня работаете?

— С восьми.

— Придите на сорок минут раньше. Если можете.

— Что случилось?

— Шкафы решили сделать красивыми.

Он отключился.

Вера посмотрела на тёмный экран. Номер Сергея она не записывала. Вероятно, он взял её телефон из списка сотрудников. Это было простое объяснение. Но после двух часов сна простые объяснения тоже приходилось удерживать усилием.

Она приняла душ, выпила крепкий чай и вышла без чет-

верти семь. Вечерний двор уже потемнел. В доме номер четырнадцать светились окна кухни на первом этаже и две комнаты наверху. Красной точки не было. У подъезда стоял белый фургон, но другой: на борту зеленела реклама доставки воды. Вера прочитала название дважды, чтобы не унести с собой только цвет машины.

У служебного входа торгового центра курил дневной охранник. Увидев Веру, он спрятал сигарету за спину, словно она была начальством.

— Диспетчерская через главный, — сказал он.

— Меня Фомин вызвал.

— Тогда вниз. Они там макулатуру делят.

Дверь в короткий коридор была открыта. Перед металлическими шкафами стояла тележка, на ней громоздились коробки из-под бумаги. Фомин сидел на корточках и подписывал толстым маркером одну из них. Рядом женщина в бежевом свитере снимала папки с верхней полки. Вера видела её в отделе кадров, когда оформлялась, но имени не помнила.

— Вот и свидетель, — сказал Фомин.

Женщина обернулась.

— Какой ещё свидетель?

— Того, что я не могу один поднять коробку. Спина по возрасту не положена.

— Для коробки у нас грузчик. Оператору здесь делать нечего.

— Она кофе принесла.

Вера показала пустые руки.

— Не принесла.

— Значит, пришла за долгом.

Женщина выпрямилась и прижала к груди две папки.

— Сергей Аркадьевич, не устраивайте представление.

Олег Андреевич распорядился освободить средний шкаф.

Документы старше трёх месяцев — в архив, неподписанные и отменённые наряды — на уничтожение. Я вам список дала.

— Нина Павловна, список вы дали сегодняшний, а распоряжение в нём вчерашнее. Бумага молодеет прямо на глазах.

— Дата распоряжения — дата решения. Распечатали сегодня.

— Тогда так и надо писать.

Фомин поднялся медленно, опираясь ладонью о шкаф. Лицо на секунду побледнело. Он достал из кармана жестяную коробочку, вытряхнул на ладонь таблетку и положил под язык.

— Вам плохо? — спросила Вера.

— Мне шестьдесят скоро. Это не болезнь, это расписание.

— Пятьдесят восемь вам, — сказала Нина Павловна. —

И если плохо, идите домой.

— Чтобы вы без меня решили, какая моя работа была отменённой?

— Не моя и не ваша. В системе есть статус.

Она положила папки в коробку с надписью «Хранить». На тележке стояла вторая коробка — «Шредер». В ней лежало

несколько десятков белых листов. Верхний был перечёркнут красной полосой.

Вера сняла куртку и повесила на трубу. В коридоре было жарко.

— Чем помочь?

Нина Павловна ответила раньше Фомина:

— Ничем. У вас смена через полчаса.

— Через сорок минут.

— Вот и подготовьтесь.

Фомин взял со шкафа серую папку.

— Вера Николаевна будет вслух читать номера. Я плохо вижу шестёрки. Вы, Нина Павловна, станете сверять со списком. Так быстрее.

— Мне помощь не нужна.

— А мне нужна. Это мои наряды и моя подпись.

Нина посмотрела на часы. За служебной дверью звякнула тележка уборщицы.

— Двадцать минут, — сказала она. — Потом я забираю отменённые сама.

Фомин передал Вере первый лист. В правом верхнем углу стоял номер из восьми цифр. Ни адреса, ни фамилии клиента на наряде не было: только участок, оборудование, время создания, назначенная работа и исполнитель.

— Последние четыре, — сказал он.

— Семь два один девять.

Нина провела ногтем по распечатанному списку.

— Хранить.

Фомин проверил наличие подписи, отделил жёлтую нижнюю копию и положил оба листа в папку. Следующий наряд оказался отменённым: мастер должен был заменить аккумулятор в датчике, но клиент отказался от работ. На белом листе стоял красный штамп, жёлтая копия отсутствовала.

— Где корешок? — спросил Фомин.

— Не выдавался исполнителю.

— Выдавался. Вон след от скобы.

— Значит, исполнитель потерял.

— Значит, в шредер пока не пойдёт.

Он отложил лист на табурет. Нина вздохнула, но спорить не стала.

Через несколько нарядов Вера поняла устройство бумаги. Принтер в технической комнате протягивал сразу два слоя: белый экземпляр оставался в папке, жёлтый получал исполнитель. Текст отпечатывался на обоих, а подпись, сделанная шариковой ручкой, продавливала тонкую бумагу. Если задание меняли до выдачи, старый комплект перечёркивали целиком. Если после, белый лист можно было напечатать заново, но жёлтый уже жил в кармане работника. Система считала последнюю версию единственной. Шкаф помнил предыдущие, пока кто-нибудь не называл их макулатурой.

— Почему принтер вообще печатает автоматически? — спросила Вера.

— Потому что раньше монтажники возвращались через

неделю и вспоминали работу по погоде, — сказал Фомин. —
Дождь был — значит, во вторник. Снег — значит, зимой. Хо-
зяин поставил принтер, чтобы задание выходило сразу после
назначения.

— Он в диспетчерской?

— За стеной серверной. Обычный матричный. Гремит,
как зубной врач.

— Кто забирает лист?

— Дежурный техник. Ночью — охранник, если никого
нет. Утром кладёт сюда.

Нина постучала ручкой по списку.

— Мы архив разбираем или экскурсию проводим?

Следующий номер Вера прочитала неправильно. Вместо
восьмёрки назвала тройку. Нина не нашла строку, Фомин
приблизил бумагу к глазам и поправил её.

— Вот вам и свидетель, — сказал он без насмешки. —
Двое смотрят на одну цифру, получают две.

Вера почувствовала, как вспыхнули щёки.

— Я прочитала верхнюю петлю как открытую.

— Я знаю. Поэтому и сверяем.

Он не стал утешать её и тем самым вернул цифре обыч-
ный размер. Ошибка не означала, что она ошиблась во всём
остальном. Но и внимательность не означала, что она не
ошибается.

На дне второй папки лежал белый наряд на перезапуск
стойки. Тот самый лист с временем 02:20 Вера узнала по

загнутому углу, хотя номер успела забыть. Фомин не подал знака.

— Последние четыре? — спросил он.

Она прочитала.

Нина нашла строку.

— Отменён. В шредер.

— Почему отменён? — спросил Фомин.

— Работа не подтверждена подписью.

— Неподтверждён и отменён — разные слова.

— В выгрузке один статус.

— В чьей выгрузке?

— В общей.

Фомин держал лист за края. Вера видела, что нижнего жёлтого слоя нет.

— Исполнитель кто? — спросил он.

Нина взглянула на лист.

— Вы.

— Тогда я должен был получить копию.

— Не получили, потому что работа шла удалённо.

— Электрик удалённо может только трубку не взять.

— Сергей Аркадьевич, я не составляла наряд.

— Но уничтожить пришли вы.

Нина выдернула лист у него из руки. Бумага затрещала, но не порвалась.

— Я выполняю распоряжение. Хотите спорить — идите к Олегу Андреевичу.

— Пойдём вместе.

— Мне некогда.

Она положила наряд в коробку для шредера. Фомин посмотрел на Веру. В его взгляде не было просьбы вмешаться. Скорее предупреждение: сейчас произойдёт то, что надо запомнить точно, не улучшая.

— А список можно посмотреть? — спросила Вера.

Нина прижала его ладонью к груди.

— Вам зачем?

— Я снова могу ошибиться в цифре. Хочу проверить.

— Это внутренний документ технической службы.

— Тогда Сергей Аркадьевич проверит.

— Потом.

Нина подняла коробку. Она оказалась тяжёлой; дно прогнулось. Вера подхватила её снизу прежде, чем та успела откатиться.

— Куда?

— В отдел кадров.

— Шредер в отделе кадров?

— Да.

Они вышли в общий коридор. Фомин остался у шкафа. На лестнице Нина шла впереди, удерживая коробку за прорези, Вера поддерживала дно. Красные полосы на листах двигались в такт шагам.

На площадке первого этажа Нина остановилась.

— Дальше сама.

— Я донесу.

— У вас рабочее время начинается.

— Через восемнадцать минут.

— Вера Николаевна, не надо делать вид, что вы случайно здесь оказались. Олег Андреевич попросил убрать именно эти бумаги после разговора с вами.

Вера не отпустила коробку.

— Он так и сказал?

— Он сказал освободить шкаф. А до этого спросил, кто пускал вас в технический коридор.

— И кто пускал?

— Сергей. Пропуск всё показывает.

Нина смотрела не сердито, а устало. На рукаве её свитера прилипла бумажная пыль.

— Вы недавно у нас, — продолжила она. — Здесь любой сбой превращают в войну отделов. Операторы обвиняют техников, техники — программу, программа молчит. Через неделю никто не помнит, из-за чего кричали. Не позволяйте Сергею использовать вас в его споре с Олегом.

— Из-за чего они спорят?

— Из-за всего. Сергей хранит мусор, Олег хочет порядок.

— А вы чего хотите?

— Чтобы документы лежали там, где должны.

Она потянула коробку к себе. Вера убрала руки. Нина поднялась на этаж и скрылась за дверью отдела кадров.

Вера вернулась вниз. Фомин укладывал папки обратно в

шкаф. На табурете лежал спорный наряд со следом от скобы, который он отказался выбрасывать.

— Унесла? — спросил он.

— Да.

— Значит, унесла.

Он закрыл дверцу.

— Вы специально оставили тот лист в коробке? — спросила Вера.

— Она его забрала. Это не одно и то же.

— Вы могли не отдать.

— Мог. Тогда она позвала бы Ракитина, он забрал бы весь шкаф, а меня отстранил от работы с нарядами. Мне надо знать, что именно им мешает.

— Им мешала новая версия.

— Возможно.

Фомин достал из внутреннего кармана сложенный жёлтый лист. Старую копию с временем 19:05.

— Но эта осталась.

— Где вы её будете хранить?

— Не здесь.

— Дома?

— Чем меньше вы знаете, тем короче объяснение.

Он снова побледнел, прислонился плечом к шкафу. Вера заметила, что коробочка с таблетками всё ещё у него в руке.

— Сергей Аркадьевич, вам правда надо домой.

— Мне надо сначала подписать четыре акта.

— Таблетка помогла?

— Помогла бы быстрее, если бы вы не смотрели.

Он попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой.

Вера взяла с тележки пустую коробку и поставила её рядом с ним как сиденье. Фомин хотел отказаться, потом всё же сел.

— У вас кто-нибудь есть, кому позвонить?

— Жена. Но если позвоните, она приедет и убьёт меня раньше сердца.

— Тогда посидите пять минут.

— Командовать научились быстро.

— Это не команда. Я могу вызвать скорую, и будет команда.

— Скорая из-за давления увезёт, начальство из-за нарядов уволит. Богатый выбор.

Он прикрыл глаза. Вера засекала время на настенных часах. Секундная стрелка дёргалась, на каждой отметке будто решая, двигаться ли дальше.

Через две минуты цвет вернулся к лицу Фомина. Он открыл глаза и протянул Вере жёлтую копию.

— Подержите.

Она не взяла.

— Вы сказали, мне лучше не знать, где она.

— Я сказал — не здесь. Положите в мою папку, под акты. До конца смены. Потом заберу.

— Почему сами не положите?

— Потому что сейчас пойду мерить давление и могу встретить Нину.

Вера взяла сложенный лист. Бумага была тёплой от его кармана.

— Это рабочий документ. Я не вынесу его из здания.

— И не надо. В серую папку.

Она открыла папку. Под актами лежали схемы щитов, ведомость ламп и несколько чистых бланков. Вера поместила копию между двумя актами и закрыла замок.

— Теперь мы оба знаем, где она, — сказала она.

— До семи утра.

— А потом?

— Потом посмотрим, кто ещё захочет сделать шкаф красивым.

Фомин поднялся и пошёл в медпункт торгового центра. Вера понесла папку вверх.

До начала смены оставалось девять минут. В диспетчерской была Лена. Ракитин стоял у её пульта, просматривая закрытые события. На свободном столе лежала новая пачка бумаги.

— Добрый вечер, — сказала Вера.

Ракитин обернулся. Его взгляд сразу опустился к серой папке.

— Где Сергей?

— Измеряет давление.

— А папка почему у вас?

— Попросил донести.

— Давайте я передам.

Он протянул руку.

Вера держала папку за ручку. Отказ выглядел бы признанием, хотя она ещё не решила, в чём её могут обвинить. Передать — значило отдать старую копию человеку, после чьего распоряжения новая отправилась в шредер.

— Сергей просил положить у щита, — сказала она.

— Я положу.

— Он сказал мне.

Несколько секунд они стояли по разные стороны свободного пульта. Лена перестала щёлкать мышью.

Ракитин опустил руку.

— Вы сегодня были в техническом коридоре до смены?

— Да.

— Зачем?

— Фомин попросил помочь разобрать шкаф.

— Оператор не должен разбирать технические документы.

— Я читала номера вслух.

— Какие номера?

— Нарядов.

— Запомнили что-нибудь интересное?

Вера почувствовала, как в памяти всплывают последние четыре цифры спорного листа. Они сами просились на язык, потому что ей приказали их не помнить.

— Я один раз перепутала тройку с восьмёркой, — сказала она. — Сергей перепроверил.

Лена коротко усмехнулась и снова посмотрела на экран. Ракитин улыбнулся ей, будто Вера рассказала безобидную историю.

— Вот видите. Бумага тоже ошибается.

— Ошиблась я. На бумаге цифра не менялась.

Улыбка исчезла.

— Положите папку и принимайте смену.

Вера отнесла её к электрическому щиту. Там стояла узкая металлическая полка для инструментов. Она положила папку сверху, не открывая. Когда вернулась, Ракитин был в кабинете и говорил по телефону. Сквозь стекло Вера видела его губы, но не слышала слов.

Лена передала два незакрытых объекта. В магазине одежды не вставала на охрану задняя дверь, в гаражном кооперативе пропала связь с одной панелью. Вера проверила карточки, записала номера групп и расписалась в бумажном журнале.

— Что вы там делили? — спросила Лена.

— Старые наряды.

— Нашла государственную тайну?

— Пыль.

— Это у нас главный секрет.

Лена ушла. Тамара должна была прийти к полуночи. До тех пор Вера оставалась на пульте одна.

В 20:17 Фомин вернулся. Он выглядел лучше и нёс справку из медпункта.

— Сто сорок пять, — сказал он. — Для разговора с кадрами почти норма.

— Папка у щита.

— Видел.

Он не пошёл за ней сразу. Сначала открыл электрический шкаф, проверил две лампы на панели, записал показания счётчика в маленький блокнот. Только после этого снял папку с полки.

Ракитин вышел из кабинета.

— Сергей, зайди.

— Я акты не подписал.

— С папкой.

Фомин взглянул на Веру, затем на часы над дверью.

— Двадцать двадцать две, — сказал он.

— Я вижу время.

— Это я себе.

Он вошёл в кабинет. Ракитин закрыл дверь и опустил жалюзи.

Вера приняла сигнал неисправности из гаражного кооператива, позвонила ответственному и направила техника. Потом ещё раз проверила карточку магазина. Она не прислушивалась к кабинету: сквозь стекло всё равно ничего нельзя было услышать.

В 20:31 дверь открылась. Фомин вышел без папки.

Он прошёл к электрическому щиту, будто собирался продолжить работу. Вера не спросила при Ракитине. Фомин снял крышку, наклонился к автоматам и тихо сказал:

— Старую копию он не нашёл.

— Она осталась в папке?

— Нет.

Вера повернула голову.

— Где она?

— Между актами был чистый бланк.

— Я сама положила копию.

— Верю.

— Кто открывал папку?

— Этого я не знаю.

Ракитин стоял в дверях кабинета. Теперь серая папка лежала у него на столе.

— Сергей, ты закончил? — спросил он.

— Почти.

Фомин щёлкнул автоматом, хотя свет не изменился.

— Вы видели, кто подходил к щиту? — спросила Вера.

— Я смотрела на экран.

— Тогда не видели.

Он произнёс это ровно, без упрёка. Между тем, что Вера знала, и тем, что могла подтвердить, снова открылся пропуск.

В 20:36 Ракитин вынес серую папку и положил на свободный пульт.

— Сергей, не оставляй рабочие документы где попало.

— Не буду, — сказал Фомин.

Он забрал папку. Вера видела, как напряглись его пальцы на ручке.

До полуночи ничего необычного не произошло. Вера закрыла три неисправности, вызвала группу на сработавший датчик склада и дважды ошиблась при наборе телефонного номера, потому что пальцы нажимали цифры быстрее мысли. Оба раза она стёрла номер до соединения.

В 23:48 Фомин собрал инструменты. Перед уходом положил на край её стола полоску жёлтой бумаги размером с ладонь.

— Что это?

— Не то, что мы ищем.

На полоске сохранился только нижний край старой копии: две пустые строки и часть печатной рамки. Ни номера, ни времени, ни названия работы.

— Нашли в папке?

— За подкладкой. Видимо, оторвалось, когда лист вытаскивали.

— Это доказывает, что копия там была.

— Это доказывает, что в папке была жёлтая бумага.

— Такая же.

— Такая же бумага лежит в каждом наряде.

Фомин убрал полоску в карман.

— Но вы мне верите? — спросила Вера.

— Верю, что положили. Вы можете ошибиться, я могу ошибиться, а бумагу мог взять кто угодно, пока папка лежала у щита.

— Кроме нас, о ней знала Нина. И Ракитин смотрел на папку, когда я вошла.

— Это список людей, а не ответ.

— Вы сами позвали меня свидетелем.

— Чтобы у меня была не только моя память. Теперь есть ваша. Две памяти лучше одной, но в суд их пока не понесёшь.

Он надел куртку.

— А если бы я сразу сфотографировала копию?

— Получили бы фотографию рабочего документа на личном телефоне и увольнение за её хранение. Может, ещё правильное время. Может, нет. Мы не знаем, когда создали старый наряд в системе. Знаем только, когда его дали мне.

— В 19:05.

— Это напечатано. Дали чуть позже.

Вера посмотрела на часы. Без пяти двенадцать.

— Что теперь?

— Теперь работаем. Бумагу у нас забрали, зато показали, что знают, какую забирать.

— Это уже история, Сергей Аркадьевич.

Он кивнул.

— Правильно. Поэтому не будем считать её фактом.

Фомин ушёл. В дверях столкнулся с Тамарой Евгеньев-

ной, пропустил её и напомнил проверить вилку, если погаснет монитор. Она ответила, что за двадцать лет научилась отличать вилку от начальства.

Вера приняла от неё приветствие, открыла журнал и посмотрела на ровные строки событий. Пропуск оставался там же. Теперь рядом с ним существовала ещё одна пустота: место между актами, где девять минут лежал жёлтый лист.

Первую пустоту создали в программе. Вторую — на расстоянии нескольких шагов от неё.

Ни одна не сообщала, кто это сделал.

Но обе появились после того, как Вера задала вопрос.

Глава 5. Квартира бабушки

К концу смены дом напротив исчез за снегом.

Сначала пропал верхний этаж, потом окна, потом тёмный прямоугольник крыши. Фонари освещали только густые белые полосы. Вера трижды подходила к жалюзи и каждый раз видела собственное отражение вместо двора.

Ночь была обычной. На складе заело дверь, в аптеке уборщица ввела старый код, в гараже восстановилась связь. Тамара Евгеньевна вязала серую варежку под столом и поднимала руки к клавиатуре раньше, чем программа успевала подать второй звук. Ракитин уехал в час ночи. Нина Павловна не появлялась. Фомин не звонил.

От этой обычности Вера устала сильнее, чем от тревог. Каждый спокойный час предлагал ей согласиться, что ничего не происходит. В программе оставалась дыра, но вокруг неё нарастали новые строки. Через неделю номер потеряется среди тысяч других. Через месяц его увидит только человек, который заранее знает, где искать.

В семь утра Вера передала смену Лене и спустилась к техническому коридору. Средний шкаф был заперт на новый навесной замок. Старый висел рядом на гвозде с раскрытой дужкой.

Она не стала трогать ни один.

На улице снег доходил до щиколоток. Дворник проклады-

вал узкую тропу между подъездами, оставляя по сторонам ровные стенки. Белого фургона у четырнадцатого дома не было. Вера дошла до своего подъезда и увидела на лавке Раису Семёновну. Старуха сидела в пуховом платке, поставив сумку между валенками.

— Вы чего на снегу? — спросила Вера.

— Отдыхаю.

— Здесь мокро.

— Дома тоже мокро. Стояк потёк.

Вера подняла сумку. Внутри звякнули банки.

— Давайте провожу.

— Я сама хожу.

— Я вижу.

Раиса Семёновна позволила взять себя под локоть. На ступеньках двигалась медленно, зато в подъезде сразу выпрямилась.

— Ты ночами теперь?

— Пока да.

— Бабка твоя тоже ночью не спала. Сядет у окна и смотрит, кто пришёл, кто ушёл. Потом утром всё знала.

— Я думала, у неё бессонница.

— Одно другому не мешает.

В лифте старуха спросила:

— А у четырнадцатого опять охрана была?

Вера посмотрела на неё.

— Когда?

— Ночью. Машина через двор прошла, синяя полоса мигала.

— Вы видели номер?

— Я без очков кружку не вижу. Какая мне машина.

— Почему решили, что охрана?

— Потому что полиция ярче мигает.

Лифт остановился на пятом. Раиса Семёновна забрала сумку.

— Ты не ходи туда одна, — сказала она.

— Куда?

— К чужим дверям. Ты в детстве любила звонить и убежать. Теперь возраст не тот.

Она вышла, не объяснив, шутит ли.

Вера поднялась на свой этаж. На коврике у двери лежал рекламный листок: «Срочный выкуп квартир. Деньги в день обращения». Такие листки торчали из каждой второй двери. Она подняла его, чтобы выбросить, и заметила внизу название фирмы — «Рубеж-недвижимость».

Слово «Рубеж» ничего ей не говорило. Вера вошла, положила листок на тумбу, сняла мокрые сапоги. Потом вернулась, взяла рекламу и прочитала мелкий текст. Бесплатная оценка, помощь с долгами, переезд за счёт покупателя. Адрес офиса находился в другом районе. Ни одного упоминания дома номер четырнадцать.

Она смяла листок и бросила в мусор.

Через минуту достала, разгладила и положила возле теле-

фона.

Квартира встретила её запахом сухой пыли и яблок. Яблок не было. Запах держался с бабушкиных времён, особенно зимой, когда окна не открывали. После похорон Вера вымыла кухню, выбросила крупы и банки с засохшим вареньем, но из деревянного буфета всё равно тянуло антоновкой.

Она прожила здесь первые семнадцать лет. Потом уехала учиться, вышла замуж, возвращалась по воскресеньям с Полиной, привозила лекарства и пакеты из магазина. После смерти бабушки квартира стояла пустой почти год. Вера собиралась сдавать её, бывший муж советовал продать, Полина просила не спешить. В результате сюда переехала сама Вера с двумя чемоданами, коробкой посуды и папкой о разводе.

Коробки до сих пор стояли в маленькой комнате. На одной чёрным маркером было написано «Книги», на второй — «Полина», на третьей — «Разобрать». Последняя содержала вещи, для которых Вера не смогла выбрать ни владельца, ни место: общий фотоальбом, мужскую перчатку, гарантийный талон на давно проданный холодильник, школьную медаль дочери.

Она включила чайник и открыла шторы. Снег поредел. Дом номер четырнадцать снова появился, бледный и плоский. Возле подъезда стояла тёмная машина без мигалки. Следы шин пересекали двор, но определить, чьи они, было невозможно.

Вера поставила телефон на зарядку. Полина звонила но-

чью два раза.

Она набрала дочь.

— Мам, ты живая? — спросила Полина вместо приветствия.

— Только пришла со смены.

— Я знаю. У тебя она в семь заканчивается.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что ты вчера ответила одним словом, потом исчезла.

— Работала.

— А до работы?

Вера посмотрела на коробки.

— Спала.

— Врёшь.

— Почему?

— Когда ты спишь, ты не ставишь точки в сообщениях.

Ты написала «Хорошо.» с точкой. Значит, злилась.

— Я не знала, что у меня есть такая примета.

— У тебя их миллион. Ты ещё чашку моешь, когда хочешь закончить разговор.

Вера убрала руку от чашки, которую только что поднесла к крану.

— Как макет?

— Не переводи.

— Я правда спрашиваю.

— Преподаватель сказал, что двор неживой. Я всю ночь

переставляла деревья, теперь он просто двор с переставленными деревьями.

— Людей добавь.

— Фигурки в этом масштабе будут как крошки.

— Без людей любой двор неживой.

Полина помолчала.

— Вот. Сейчас ты говоришь как обычно. Что случилось?

— Ничего.

— Ты устроилась три дня назад и уже не спишь.

— Я всегда плохо сплю после ночной.

— Ты раньше не работала ночью.

— Работала, когда тебя родила.

— Очень смешно.

Вера налила кипяток в чашку. Чайный пакетик всплыл и прилип к краю.

— На работе странно ведут журнал, — сказала она.

— Насколько странно?

— Одна запись исчезла.

— Компьютер сломался?

— Возможно.

— А ты решила починить?

— Нет.

— Мам.

— Что?

— Я слышу это твоё «нет». Ты так говорила, когда папа спрашивал, проверяешь ли ты закрытую дверь.

— Дверь надо проверять.

— Один раз.

Вера подошла к прихожей и посмотрела на замки. Верхний был закрыт, нижний тоже.

— Я не чиню программу, — сказала она. — Просто хочу понять, куда делась запись.

— Спроси начальника.

— Спросила.

— И?

— Он говорит, учение.

— А ты не веришь.

— Не всё сходится.

Полина вздохнула. В телефоне зашуршала бумага.

— Опять как тогда?

Вера села.

— Как когда?

— На старой работе.

— Это другое.

— Ты тоже говорила, что не всё сходится.

— Потому что не сходилось.

— А потом оказалось, что запись учебная.

Чайник щёлкнул, хотя уже выключился. Остывающий металл менял форму.

— Тебе отец рассказал? — спросила Вера.

— Ты рассказала. Частями. Остальное папа.

— Что именно остальное?

— Что из-за тебя поезда стояли почти час. Что был разбор и тебе предложили уйти.

— Движение стояло тридцать семь минут.

— Какая разница?

— Большая, если мы говорим о том, что было.

— Хорошо. Тридцать семь. Ты услышала звонок и решила, что человеку плохо на путях.

— Не решила. Там были слова о человеке на путях.

— На учебной записи.

— Да.

— И ты остановила движение.

Вера провела пальцем по трещине на клеёнке. Бабушка заклеила её прозрачной лентой лет десять назад. Лента пожелтела, но держалась.

— Я передала сигнал дежурному, — сказала она. — Решение об остановке принимала не одна я.

— Мам, я не судья.

— Тогда не произноси обвинение.

— Я не обвиняю. Я боюсь, что ты снова не спишь и ищешь подтверждение, что в первый раз была права.

Вера встала и всё-таки вымыла чашку. Вода заглушала голос дочери. Она выключила кран.

— В первый раз я была неправа.

— Я знаю.

— Нет, — сказала Вера. — Ты знаешь короткую версию.

— А есть длинная?

— Всегда есть.

— Расскажи.

Вера посмотрела в окно. У четырнадцатого дома из тёмной машины вышел мужчина. Он очистил стекло от снега, сел обратно. Обычный водитель, ожидающий пассажира.

— Не сейчас.

— Конечно.

— Полина.

— Ты сама начала.

— Ты начала.

— Прекрасно. Значит, мы обе виноваты.

Связь оборвалась.

Вера посмотрела на экран. Полина не сбросила вызов — в углу исчезли полоски сети. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

— У меня интернет упал, — сказала дочь. — Не думай, что я бросила трубку.

— Я не думаю.

— Думаешь. Поэтому говорю.

Они обе замолчали. Вера слышала, как Полина отодвигает линейку, как кто-то в общежитии хлопает дверью и смеётся в коридоре.

— Мам, я не хочу быть папой, — сказала Полина. — Не хочу следить, сколько ты спала и закрыла ли дверь. Но ты умеешь не замечать себя, когда за что-то цепляешься.

— А он умел замечать за всех.

— Вот поэтому вы развелись. Я не предлагаю повторять.

— Тогда чего ты хочешь?

— Чтобы ты сказала кому-нибудь на работе про запись официально. И пришла к врачу, если опять не спишь.

— Я сплю.

— Два часа не считается.

— Откуда ты знаешь, сколько?

— Ты ответила в одиннадцать сорок восемь и была в сети в четыре семнадцать.

— Это и есть слежка.

— Это мессенджер показывает.

Вера хотела возразить, но увидела на телефоне время последнего посещения Полины. Она сама проверяла его утром, не отдавая себе отчёта.

— Хорошо, — сказала она. — Сегодня посплю. Если через неделю не наладится, запишусь к врачу.

— Через три дня.

— Через пять.

— Четыре.

— Договорились.

— А официально про запись?

— Сначала нужна точность.

— Это не ответ.

— Другого пока нет.

Полина тихо выругалась. Потом спросила:

— Ты квартиру хоть разобрала?

— Почти.

— Покажи маленькую комнату.

— Зачем?

— Хочу увидеть твоё «почти».

Они включили видео. Вера медленно провела телефоном по коробкам. Полина велела открыть ту, на которой было написано её имя.

— Там твои школьные вещи.

— Поэтому и открой.

Внутри лежали альбомы, голубой рюкзак, пачка грамот и деревянный домик без одной стены. Полина делала его в двенадцать лет для школьной выставки. Крыша снималась, внутри сохранились крошечный стол и кровать из спичечных коробков.

— Я его искала, — сказала Полина.

— Зачем он тебе?

— Поставлю в макет. Масштаб не тот, зато двор станет живой.

— Преподаватель не поймёт.

— Ты же сама сказала добавить людей.

— Это домик.

— В нём люди подразумеваются.

Вера улыбнулась.

— Забирай, когда приедешь.

— Я могу в выходные.

— У тебя макет.

- Заодно посмотрю, где ты работаешь.
- В охранном центре нечего смотреть.
- Тогда посмотрю квартиру.
- Хорошо.

После разговора Вера сложила вещи обратно, кроме домика. Поставила его на подоконник. Через пустой проём стены был виден настоящий двор и дом номер четырнадцать. Получалось, будто маленькая комната смотрит в большую.

Она легла в спальне, но уснуть не смогла. Слова Полины вернули старую смену яснее, чем хотелось.

Тогда тоже была зима. В железнодорожной справочной гудели обогреватели, окна запотевали, операторы пили растворимый кофе из одинаковых кружек. На линию поступил звонок: мужской голос сообщил о человеке у служебного перехода. Запись была короткой, с шумом. Вера услышала название перегона, повторила его дежурному и настояла, что это не шутка.

Она не остановила движение одной кнопкой. Такой кнопки у неё не было. Но говорила уверенно, а уверенность по цепочке стала срочностью.

Через тридцать семь минут выяснилось, что запись использовали на утреннем обучении. По ошибке её подали на рабочую линию второй раз. Человека на путях не было.

На разборе Вера сказала, что метка учебного звонка появилась после принятия. Начальник ответил, что метка была с самого начала. Технический журнал подтвердил его вер-

сию. Две коллеги не вспомнили, что видели на экране. Вера продолжала спорить дольше, чем следовало.

Это была короткая версия.

Длинная начиналась раньше, за несколько недель до звонка, и включала вещи, о которых Вера не рассказала даже Полине. Пока она не собиралась произносить их вслух. Не потому, что они делали её невиновной. Наоборот.

Она встала и открыла форточку. С улицы вошёл холод и далёкий гул машины. Возле четырнадцатого дома тёмного автомобиля уже не было.

На кухне лежала разглаженная реклама «Рубеж-недвижимости». Вера набрала название в поиске. Сайт открылся медленно: фотографии счастливых семей с ключами, обещание срочного выкупа, адрес офиса. Компания работала семь лет. Отзывы были обычными — кто-то благодарил за скорость, кто-то жаловался на низкую цену.

Вера ввела адрес дома номер четырнадцать вместе с названием фирмы. Поиск показал объявления о продаже трёх квартир. Одно сняли неделю назад, второе — месяц назад, третье обновили сегодня. Все объявления вёл один агент, Константин Лазарев.

Костя у подъезда не называл фамилию. Мог быть другим Константином.

На фотографии квартиры из свежего объявления Вера увидела знакомую прихожую. У стены стояла коробка с надписью «Прихожая 74». Та самая или такая же. В объявлении

нии был указан восьмой этаж, двухкомнатная квартира без жильцов, быстрый выход на сделку.

Она увеличила снимок. Возле двери висел синий женский халат.

Вера закрыла фотографию.

Несколько минут она сидела неподвижно. Потом открыла снова и прочитала дату публикации: объявление разместили вчера в 09:12, уже после того, как коробки вынесли к фургону. Никакого противоречия. Люди освободили квартиру, агент выставил её на продажу. Красный индикатор мог принадлежать сигнализации, которую снимали перед показами.

Но Лида сказала, что ночью никто не переезжал. Костя подтвердил. При этом коробка из фургона оказалась на фотографии квартиры, которую продавал Константин Лазарев.

Вера не стала сохранять снимок. Объявление было открытым, но квартира оставалась чужой. Она записала на обороте рекламного листка только адрес страницы и время просмотра. Потом остановилась. Страница могла исчезнуть. Ссылка без снимка доказывала ещё меньше, чем память.

Она позвонила по номеру агента.

Ответили после четвёртого гудка.

— «Рубеж-недвижимость», Константин.

Голос был похож на голос мужчины у подъезда, но по телефону становился выше.

— Я по объявлению на Садовой, четырнадцать, — сказала Вера.

— Восьмой этаж? Двушка?

— Да. Она свободна?

— Полностью. Собственница переехала, документы готовы.

— Когда можно посмотреть?

— Сегодня после шести или завтра утром.

— А сигнализация там есть?

Пауза длилась меньше секунды.

— Зачем вам сигнализация?

— На фотографии возле двери датчик.

— Домофон, наверное. Фотографии не я делал.

— Собственница давно переехала?

— Девушка, вы квартиру выбираете или расследование проводите?

Он сказал это с улыбкой. Вера слышала её в голосе.

— Вы правы. Я подумаю.

— Думать можно долго, но объект уйдёт быстро. Там цена ниже рынка.

— Почему?

— Срочная продажа. Семейные обстоятельства.

— Какие?

— Это личное дело собственницы.

— Конечно. До свидания.

Она отключилась прежде, чем он успел попросить номер для обратной связи.

Телефон сразу завибрировал: входящий вызов с того же

номера. Вера не ответила. Через минуту пришло сообщение: «Если интересна квартира, напишите удобное время просмотра».

Ничего угрожающего.

Она положила телефон экраном вниз и увидела на тумбе старый аппарат с диском. Он принадлежал бабушке и давно не был подключён. В детстве Вера звонила с него однокласснице, наматывая шнур вокруг пальца. Бабушка могла по щелчку диска определить первую цифру номера.

Память квартиры состояла из вещей, которые больше не работали, но продолжали занимать место.

Вера взяла мусорный пакет и начала разбирать кухонные ящики. Выбросила ржавую открывалку, связку ключей от неизвестных замков, квитанции за позапрошлый год. Каждый предмет требовал маленького решения. Оставить. Выбросить. Проверить позже.

В нижнем ящике буфета нашлась бабушкина тетрадь с расходами. На полях возле сумм стояли короткие пометки: «кран менял Витя», «деньги отдала Лиде», «Костя взял ключ от подвала». Имена повторялись годами. Лида могла быть той женщиной у подъезда. Костя — агентом. А могли быть их родителями, соседями или совсем другими людьми.

На последней заполненной странице бабушка записала: «14 дом, опять сирена ночью, звонила Рае».

Дата стояла пятилетней давности.

Вера перечитала строку. Пять лет назад никакой нынеш-

ней скупки могло не быть. Дом номер четырнадцать и раньше подавал сигналы, люди переезжали, машины приезжали ночью. Одна старая запись разрушала удобную мысль о том, что всё началось сейчас.

Она отнесла тетрадь Раисе Семёновне.

Старуха открыла не сразу. За дверью шумела вода.

— Стояк починили? — спросила Вера.

— Сказали, конденсат. Теперь у меня по стене официальный конденсат течёт.

Вера показала запись.

— Помните эту сирену?

Раиса надела очки, долго смотрела на страницу.

— У них магазин тогда на первом этаже был. Дверь пищала каждую неделю.

— Бабушка написала «сирена ночью».

— Значит, ночью пищала.

— Вы к окну подходили?

— Пять лет прошло. Я за это время два раза лежала в больнице и один раз умереть собиралась. Какое окно?

— Она вам звонила.

— Звонила каждый день.

Раиса сняла очки.

— Вера, что ты ищешь?

— Хочу понять, давно ли там срабатывает сигнализация.

— Давно. Во всех домах что-нибудь срабатывает.

— А охрана приезжала?

— Наверное.

— Вы видели?

— Не помню.

Старуха вернула тетрадь.

— Твоя бабка тоже всё записывала. Потом читала и думала, что раз записано, значит, важно. А там половина — кто кран менял.

— Кран тоже важно, если течёт.

— Пока течёт. Потом это просто Витя.

Вера ушла к себе. Она положила тетрадь на место, а рекламный листок всё-таки выбросила. Ссылку на объявление оставила на обороте, но сверху написала: «Открытый источник. Не подтверждает тревогу».

В половине второго пришло сообщение от незнакомого номера.

«Просмотр квартиры сегодня отменён. Объект снят с продажи».

Вера открыла сайт. Объявление ещё было доступно. Она обновила страницу — появилось серое поле: «Объявление больше не актуально».

Это могло случиться после любого звонка. Возможно, собственница передумала. Возможно, нашёлся покупатель. Возможно, Костя понял, что Вера не собиралась покупать.

В дверь позвонили.

Вера не подошла сразу. Звонок повторился — два коротких нажатия.

— Кто?

— Это я, Раиса. Открой.

Старуха стояла с эмалированной миской, накрытой тарелкой.

— Ты после ночи не ела, — сказала она. — Тут суп.

— Спасибо. Я потом занесу.

Раиса передала миску и заглянула в квартиру.

— Домик достала.

— Полина попросила.

— Она приедет?

— На выходных.

— Хорошо. А то ты одна и смотришь в окно, как бабка.

— Она, по-вашему, зря смотрела?

— Она смотрела, потому что ноги болели и ходить не могла. А ты можешь. Только не ходи куда не звали.

Раиса ушла. Вера закрыла дверь один раз и намеренно не проверила второй замок.

Она съела суп, приняла горячий душ и легла в маленькой комнате, где окно выходило не во двор, а на улицу. Телефон оставила на кухне. Перед сном поставила будильник на семь вечера: следующей ночью она не работала, но хотела проснуться до темноты и купить продукты.

Проснулась в половине девятого.

В квартире было тихо. На экране телефона горели четыре пропущенных: два от Полины, один от Фомина, один с городского номера центра.

Сначала Вера позвонила дочери.

— Я спала, — сказала она.

— Семь часов?

— Почти.

— Ладно. Снимаю врача с дежурства.

— Ты звонила два раза.

— Хотела сказать: в субботу приеду. И не надо меня встречать.

— Хорошо.

— Ты опять с точкой?

— Я говорю вслух.

— У тебя и голос умеет ставить точки.

— Приезжай. Домик ждёт.

Они попрощались без ссоры. Потом Вера набрала Фомина.

— Уже неважно, — сказал он.

— Что случилось?

— Нина принесла акт об уничтожении. Все отменённые наряды измельчили в десять сорок.

— Старую копию раньше вытащили из папки.

— Старую — да. Новую официально уничтожили.

— Вы подписали акт?

— Нет. Там её подпись и охранника.

— Охранник видел бумаги?

— Видел коробку и работающий шредер. Не каждую страницу.

Вера включила свет. На подоконнике деревянный домик отбрасывал на стену кривую тень.

— Зачем вы звонили?

— Хотел спросить, помните ли последние четыре цифры наряда.

— Помню.

— Не говорите.

— Почему?

— Потому что я сегодня посмотрел список и понял, что сам запомнил одну цифру неправильно. Если скажем друг другу, один поправит память под другого.

— Вы проверили в системе?

— Доступ к отменённым закрыли.

— Тогда как узнать?

— Пока никак.

— Сергей Аркадьевич, вы специально оставляете всё без ответа?

— Нет. Ответы сами уходят.

Он помолчал.

— Завтра на смене ничего не спрашивайте. Посмотрим, что придёт без приглашения.

Вера хотела рассказать про объявление и Костю, но осталась. Адрес квартиры был личным сведением, полученным не на работе, связь с тревогой оставалась предположением. Фомин не просил приносить ему новые истории.

— Хорошо, — сказала она.

После разговора Вера проверила городской номер. Это была диспетчерская «Городского щита». Голосового сообщения не оставили.

Она позвонила. Ответила Лена.

— Вы мне набирали?

— Ракитин набирал. Хотел уточнить график.

— Какой график?

— Тебе завтра к восьми, как обычно. Спроси у него сама.

— Он рядом?

— Ушёл минуту назад.

— В журнале всё спокойно?

Лена рассмеялась.

— Ты теперь в выходной журнал проверяешь?

— Просто спросила.

— Спокойно. Один вызов был на Садовой, четырнадцать, но группа уже закрыла.

Вера сжала телефон.

— Какая квартира?

— Не знаю. Карточка без номера. А тебе зачем?

— Ракитин поэтому звонил?

— Он не объяснял. Вера, у меня вторая линия.

Связь оборвалась.

За окном маленькой комнаты улица лежала тёмная и ровная. Чтобы увидеть дом номер четырнадцать, надо было пройти на кухню. Вера осталась на месте.

Она записала на чистом листке время звонка Лены и точ-

ные слова: «карточка без номера». Не номер события, не адрес квартиры, не догадку о связи с объявлением.

Потом положила листок в бабушкину тетрадь и закрыла её.

До следующей смены оставались почти сутки. Вера собиралась прожить их дома, не подходя к чужому подъезду и не звоня агенту.

Но теперь она знала: пока спала, нулевой объект появился снова.

Глава 6. Вторая тревога

К началу следующей смены снег превратился в серую кашу.

Вера пришла на двадцать минут раньше и всё равно застала пересменку на ногах. Лена стояла возле дальнего монитора в пальто, Тамара Евгеньевна листала рабочий журнал, а охранник Коля Грачёв грел ладони о бумажный стакан. От его куртки пахло мокрой тканью и бензином.

— Вот и наша наблюдательница, — сказал он.

Вера остановилась у двери.

— Какая наблюдательница?

— Обычная. Ночная. Лена сказала, ты дом четырнадцать любишь.

Лена быстро посмотрела на него.

— Я сказала, что Вера спрашивала про карточку. Не выдумывай.

Коля пожал плечами и отпил кофе. На костяшках его правой руки темнели свежие ссадины.

— Карточка была дурная. Мы приехали, а там гуляй не хочу. Ни номера квартиры, ни хозяина. Дверь открыта, стекло целое. Только бабка в синем халате сверху кричит, что мы разбудили весь дом.

Вера сняла куртку, не сводя с него глаз.

— Вы были внутри?

— В подъезде. Тамбур проверили, лестницу до второго. Дальше без квартиры нельзя.

— Во сколько?

— Ночью, — ответил Коля.

— В журнале есть время, — сказала Лена. — В два сорок одна пришёл сигнал разбитого окна. В два сорок четыре я отправила экипаж. Вернулись они около трёх.

— В два пятьдесят восемь, — поправил Коля. — У нас кофе на заправке пробили в три ноль четыре.

Он сказал это с довольством человека, который победил часы. Потом заметил взгляд Веры и нахмурился.

— Чего?

— Ничего. Запоминаю.

— Вот это ты зря. Я сам за себя запоминаю.

Тамара Евгеньевна закрыла журнал.

— Передачу смены закончили? Тогда лишние идут домой, нужные садятся работать.

Коля допил кофе, смял стакан и попал им в корзину с двух шагов. У двери он задержался.

— Женщина, кстати, не бабка. Лет пятьдесят, может меньше. Свет плохой. Халат синий, в белых цветах. Сказала, что стекло звенело во дворе. Мы ничего не нашли.

— Ты минуту назад сказал, она кричала, что вы всех разбудили, — заметила Вера.

— И это сказала. Люди умеют говорить два предложения.

Он ушёл. Лена надела шапку и придвинулась к Вере.

— Не дави на него. Коля начинает украшать, когда думает, что ему не верят.

— А второй сотрудник?

— Паша был за рулём. Он отчёт сдал и уехал на дневной объект. Спроси завтра.

— Карточку можно увидеть?

Лена показала на второй монитор. На экране стоял список ночных событий. Строка дома номер четырнадцать была на месте: 02:41, датчик оконного разрушения, объект 014-000, выезд группы 12, результат «признаки проникновения не обнаружены».

Вера наклонилась ближе.

— Ты сама вписала результат?

— Коля продиктовал.

— А голос был?

— Не в сигнале. Потом женщина звонила на общий номер. Сказала, что видела во дворе осколки и мужчину у окна первого этажа.

— Как представилась?

— Никак. Я попросила квартиру, она бросила трубку.

— Запись звонка?

Лена посмотрела в сторону кабинета Ракитина. Дверь была закрыта.

— Утром открывалась, — тихо сказала она. — Я проверяла перед передачей. Потом Олег Андреевич попросил меня перезагрузить телефонное окно. Теперь не знаю.

Вера надела гарнитуру и нашла звонок по времени. В перечне входящих между 02:46 и 02:53 не было ни одной строки. Она расширила поиск на час. Появились вызов из аптеки, ошибочный набор и разговор Тамары с монтажником. Женщины из четырнадцатого дома не было.

— Может, время не то, — сказала Лена.

— Может.

Они обе знали, что это слово ничего не решает.

Дверь кабинета открылась. Ракитин вышел без пиджака, с закатанными рукавами. В руке он держал отвёртку.

— Снегирёва, пришли? Отлично. После десяти посидите одна на центральном месте. Тамара Евгеньевна покажет, где подтверждать старые объекты.

— А телефонный архив работает?

Ракитин не удивился вопросу.

— Лена уже пожаловалась?

— Мы принимаем смену.

— Архив чистят после обновления. Некоторое время новые звонки видны только на сервере. Для работы это не мешает.

— Ночной звонок уже был новым.

Он покрутил отвёртку между пальцами.

— Вы решили за испытательный срок провести полную проверку компании?

— Я хочу знать, на что опираться при следующем таком сигнале.

— На карточку объекта, инструкцию и старшего смены.
Не на память ушедшей девочки.

Лена застегнула пальто до подбородка.

— Я не девочка.

— Тем более пора домой, — сказал Ракитин. — Вы обе делаете из сбоя роман. Был датчик, был выезд, ничего не нашли. На этот раз даже запись осталась. Чего вам не хватает?

Вера посмотрела на строку 014-000.

— Номера квартиры.

— Старый дом, общий передатчик. Монтажники разберутся.

Он вернулся в кабинет и закрыл дверь. Лена молча натянула перчатки.

— Позвони мне, если строка исчезнет, — сказала она.

— Не буду.

— Почему?

— Потому что ты будешь ждать звонка вместо сна.

Лена усмехнулась.

— Тогда напиши без точки.

До десяти вечера тревоги приходили из других концов города. В салоне связи продавец забыл снять объект с охраны и полез в подсобку; на стоянке ветер раскачал плохо закрытые ворота; в частном доме хозяин не успел ввести код. Вера принимала сигналы, повторяла адреса и следила, чтобы её голос оставался одинаковым. Обычная работа возвращала предметам вес. Если ворота открыты, на экране появля-

ется зона. Если сотрудник выехал, машина движется по карте. Если хозяин позвонил, у разговора есть длительность.

Строка дома номер четырнадцать оставалась в журнале.

В десять Тамара Евгеньевна пересела к боковому столу и положила рядом вязание.

— Центральное место ваше. Только не геройствуйте. Два сигнала одновременно — зовёте меня.

— Хорошо.

— И глаза от карты отрывайте. Там расстояния ненастоящие.

— В каком смысле?

— На карте два квартала — палец. На дороге там мост и три светофора. Молодые видят палец и ругают экипаж.

Вера кивнула. Это правило ей понравилось. Экран действительно делал город плоским: синие точки машин скользили поверх домов, не замечая льда, ям и закрытых шлагбаумов.

В половине одиннадцатого позвонил Сергей.

— Я у стойки, — сказал он. — Если звук пропадёт, не пугайтесь. Проверяю только запасной усилитель.

— Наряд есть?

— Есть.

— Какой номер?

Сергей помолчал.

— А вам зачем?

— Чтобы потом не спорить с памятью.

— Ноль семьдесят три. Время начала двадцать два тридцать. Запишите у себя в рабочем блокноте, не на ладони.

Вера записала. Через стекло серверной увидела его серую голову и поднятую руку. Сергей показал один палец, выключил звук на центральной колонке, затем включил. Сигнальные лампы не погасли.

— Всё, — сказал он в трубку. — Одна минута двенадцать секунд.

— Вы вчера были дома?

— Странный вопрос.

— В центре не появлялись?

— Не появлялся. Давление мерил, ругался с телевизором.

А что?

— Лена принимала тревогу из четырнадцатого дома.

За стеклом Сергей перестал сматывать провод.

— Какую?

— Разбитое окно. Экипаж ездил. Карточка пока есть.

— Бумага вышла?

— Не знаю.

— Сейчас посмотрю.

— Сергей, не надо ничего брать.

— Я и не собирался. Посмотрю глазами, если вам от этого спокойнее.

— Мне от этого не спокойнее.

— Тогда зачем позвонили?

Вера не нашла ответа. Сергей повесил трубку и ушёл из-

за стекла.

Через семь минут он появился в диспетчерской с пустыми руками.

— В рулоне ночная строка есть, — сказал он. — Ноль два сорок одна, общий объект, датчик стекла. Выезд в бумажной части не печатается. Только приём.

— Вы лист не отрывали?

— Рулон целый. Хотите — Тамара будет свидетелем, что я к нему не прикасался.

Тамара Евгеньевна подняла глаза от варежки.

— Я не буду свидетелем того, чего не видела.

— Вот за это я вас уважаю, — сказал Сергей.

— Лучше давление уважайте.

Он поморщился и ушёл. Вера посмотрела на записанный номер наряда и зачеркнула рядом слово «проверить». Проверять было нечего. Строка существовала на бумаге сейчас. Это не обещало, что она останется завтра, и не доказывало, зачем пришёл сигнал.

В одиннадцать сорок семь в наушнике раздался двойной низкий звук. Центральная строка вспыхнула красным.

014-000. Разрушение стекла.

Вера почувствовала, как ладони сразу стали холодными. Она нажала подтверждение и прочитала адрес вслух.

— Городская, четырнадцать. Общий объект. Зона без квартиры.

Тамара уже сидела рядом.

— Звоните ответственному.

В карточке был указан единственный номер. Вера набрала. После шестого гудка ответил мужчина.

— Да.

— Центр охраны «Городской щит». На объекте по Городской, четырнадцать, сработал датчик разрушения стекла. Назовите кодовое слово.

— Какой объект?

— Дом номер четырнадцать.

— У нас там нет объекта.

— Ваш номер указан ответственным.

Мужчина выдохнул в трубку.

— Девушка, я монтажник. Был ответственным, когда ставили общий блок. Года четыре назад. Уберите меня из списка.

— Назовите фамилию.

— Зорин. Можете Олегу Ракитину сказать, он меня знает. Связь оборвалась.

— Группу? — спросила Вера.

Тамара посмотрела на кабинет начальника. Свет под дверью не горел: Ракитин уехал час назад.

— По инструкции — да. Ближайшая двенадцатая.

Вера вызвала экипаж. Ответил Коля.

— Двенадцатая, повтор дома четырнадцать, — сказала она. — Разрушение стекла, общий блок, ответственный данные не подтвердил.

— Принял. Мы на Советской.

Синяя точка стояла у кольца, в трёх кварталах от центра. Вера нажала «направить». Появилась тонкая линия маршрута: Советская, мост, улица Мира, Городская. Расчётное время — семь минут.

Она повернула голову к окну. Дом номер четырнадцать был виден между полосами мокрого снега. Большинство окон темнело. На первом этаже горел белый прямоугольник, на шестом двигалась тень.

— На карту смотрите, — напомнила Тамара.

Точка экипажа сдвинулась с кольца и пошла не к мосту, а в противоположную сторону.

— Двенадцатая, вы куда?

Шипение. Потом голос Коли:

— Объезд. На мосту авария.

— Карта показывает свободный проезд.

— Карта пусть сама едет.

Тамара тихо постучала ногтем по столу: палец на экране, мост настоящий. Вера сказала:

— Приняла. Сообщите по прибытии.

Точка исчезла.

Не посерела и не замерла — исчезла совсем. Линия маршрута осталась, заканчиваясь на пустом перекрёстке.

— Связь с машиной потеряна, — сказала Вера.

— Бывает под путепроводом.

— Они едут от путепровода.

Тамара набрала номер группы с настольного телефона. Коля ответил сразу.

— У нас карта отвалилась, — сказал он. — Через пять минут будем.

— Где вы сейчас?

— У хлебозавода.

Вера знала хлебозавод. Оттуда до четырнадцатого дома было не пять минут, а не меньше двенадцати по ночной дороге. Она открыла рот, но Тамара покачала головой.

— Приняли, — сказала старшая. — Не гоните.

Вера отметила время на полях рабочего блокнота: 23:51 — точка пропала; 23:53 — «хлебозавод».

— Это личная запись, — сказала Тамара.

— Только время, без имён.

— Я вижу. Всё равно личная.

— Запрещено?

— Не запрещено. Но если станете записывать каждую секунду, через неделю не сможете отличить важное от всего остального.

— А как вы отличаете?

Тамара взяла спицу, подхватила петлю и только потом ответила:

— Никак. Поэтому и не расследую работу, на которой сижу.

В двадцать три пятьдесят девять домофонная камера объекта дала один кадр. На нём виднелась открытая дверь подъ-

езда и часть плеча в чёрной куртке. Следующий кадр был полностью серым.

— Прибыли, — сообщил Коля.

На карте машины всё ещё не было.

— Осмотрите снаружи, внутрь только при явных признаках проникновения, — сказала Тамара.

— Тут дверь настежь.

В наушнике хлопнул металл. Послышался голос второго сотрудника:

— Стекло где?

Коля ответил не в микрофон:

— Датчик где-то внутри.

Потом связь захрипела. Вера различила шаги, гул подъезда и далёкий женский голос.

— Не ходите туда! — крикнула женщина. — Я уже сказала, нет там никого!

Вера выпрямилась.

— Двенадцатая, кто говорит?

— Жительница, — ответил Коля. — Сверху вышла.

— Спросите квартиру.

— Сама не скажет.

Женский голос приблизился:

— Опять приехали! У нас дети спят, а вы дверью гремите!

— Какое стекло разбилось? — спросил Паша.

— Никакое. Бутылку во дворе бросили. Езжайте отсюда.

— Она в синем халате? — спросила Вера.

В эфире стало тихо.

Тамара перестала вязать.

— Откуда вы знаете? — спросил Коля.

Вера посмотрела на старшую. Та медленно покачала головой, но вопрос уже прозвучал.

— Вы сами сказали перед сменой.

— Ну да. Синий. С белыми цветами.

— Лицо видно?

— Обычное лицо.

— Вы её вчера видели?

— Снегирёва, мы объект проверяем или портрет составляем?

Паша сказал что-то неразборчиво. Женщина захлопнула дверь этажом выше. По подъезду прокатилось эхо.

— Следов взлома нет, — доложил Коля. — На первом этаже окна целые. Во дворе осколки зелёной бутылки, к зданию отношения не имеют. Завершаем.

— Проверьте, откуда идёт общий шлейф, — сказала Вера.

Тамара накрыла микрофон ладонью.

— Не командуйте тем, чего нет в инструкции.

— Если датчик общий, они должны хотя бы увидеть блок.

— Они охранники, не монтажники.

Вера отпустила кнопку связи.

— Двенадцатая, возвращайтесь.

— Принял.

Через минуту синяя точка появилась прямо у дома номер

четырнадцать. Система провела обратный маршрут по Городской, затем по улице Мира к центру. Вера сделала снимок глазами: 00:04, машина у объекта. Записывать не стала.

В 00:16 группа вошла в диспетчерскую. На этот раз Коля был без кофе. Паша, невысокий мужчина с седой щетиной, положил ключи на край стола.

— Там пустой подъезд, — сказал он. — То есть не пустой, люди есть. Но тревожиться не о чем.

— Женщина где стояла? — спросила Вера.

— Между третьим и четвёртым.

— На площадке четвёртого, — одновременно сказал Коля.

Они посмотрели друг на друга.

— На пролёте, — поправил Паша. — Какая разница?

— Большая, если датчик относится к квартире.

— Он ни к чему не относится, — сказал Коля. — В карте точки нули.

— Вы видели её вчера?

Паша потёр щетину.

— Я вчера не работал.

— Лена сказала, вы были за рулём.

— Значит, позавчера. После суток дни слипаются.

Коля сел на свободный стул.

— Была она. Или похожая. Тот же халат, кажется.

— Она вас узнала?

— Сказала «опять». Значит, узнала.

— Или видела другой экипаж.

— Или любит это слово, — сказал Паша. — Мы не спрашивали паспорт. Не имеем права.

Тамара подвинула им лист отчёта.

— Пишите то, что видели. Не то, что кажется.

Паша взял ручку. Коля диктовал: прибытие 23:59, наружных повреждений нет, входная дверь открыта, в подъезде обнаружена неустановленная жительница, сообщившая о разбитой во дворе бутылке. Вера слушала, как живая женщина превращается в четыре ровные строки.

— Цвет халата писать? — спросил Паша.

— Зачем? — ответил Коля.

— Затем, что вы оба его запомнили, — сказала Вера.

Коля усмехнулся.

— Вы запомнили. Мы согласились.

— Перед сменой вы называли цвет сами.

— Перед сменой я кофе пил. Может, Лена назвала.

Лена не называла. Вера могла повторить разговор почти дословно, но рядом не было записи, которой все доверяли бы одинаково. Она посмотрела на ссадины на руке Коли. Сегодня они казались светлее.

— Что с рукой?

— Дверь гаража.

— Сегодня?

— Вчера. Или позавчера. Это тоже в отчёт?

Тамара забрала у Паши заполненный лист.

— Свободны. И не подначивай оператора, Грачёв.

Когда группа ушла, Вера открыла маршрут. Синяя линия начиналась в 23:48 на Советской, делала петлю к хлебозаводу, шла к дому номер четырнадцать и возвращалась к центру. Общая длина — одиннадцать километров. Время в движении — двадцать восемь минут.

— Вот, — сказала она. — Теперь всё есть.

Тамара не подошла.

— Сохраните отчёт и работайте.

Вера нажала «подтвердить». Красная строка стала белой.

В час двадцать поступила тревога со склада стройматериалов. Потом хозяин ночного магазина забыл код. В два сорок система попросила сменить пароль, и Вера переписала новый набор цифр в запечатанный конверт. В три она открыла маршрут двенадцатой группы снова.

Линия стала короче.

Теперь она начиналась у улицы Мира, в 23:55. Советская, кольцо, исчезновение точки и хлебозавод пропали. Машина будто появилась в шести минутах от объекта, спокойно доехала до дома и вернулась. Общая длина составляла четыре километра, время в движении — двенадцать минут.

Вера проверила фильтр даты. Нужная смена. Проверила номер машины. Тот же. Открыла историю изменений. Программа показала одну строку: «маршрут уточнён автоматически по данным приёмника».

— Тамара Евгеньевна.

Старшая подошла, оставив вязание на столе.

— Что случилось?

— Маршрут укоротился.

— Приёмник догрузил точки.

— Он их не догрузил. Он удалил начало.

— Значит, плохие точки отбросил.

— Почему плохие?

— Потому что карта пропадала.

— До того как пропала, машина была на Советской. Коля подтвердил.

Тамара смотрела на экран долго, без раздражения. Потом взяла мышь и открыла техническое окно. В нём стояли времена пакетов, широта, долгота и качество сигнала. Первое сообщение пришло в 23:55 с улицы Мира. Более ранних не было.

— В основном журнале они были, — сказала Вера.

— Вы уверены?

— Я отправляла машину с Советской.

— Карточка показывала её на Советской. Это могла быть последняя точка до начала вашего дежурства.

— Линия шла оттуда. Я видела, как точка двигалась.

— Я не спорю.

— Вы говорите, что я могла увидеть другое.

— Я говорю, что техническая таблица начинается в двадцать три пятьдесят пять.

Вера открыла рабочий блокнот. Там стояло: 23:51 — точ-

ка пропала; 23:53 — хлебозавод. Собственный почерк выглядел чужим и слишком аккуратным.

— В двадцать три пятьдесят три они сказали, что у хлебозавода.

— Сказали, — согласилась Тамара.

— Вы сами звонили.

— Звонила.

— Значит, маршрут не мог начаться на Мира через две минуты. От хлебозавода туда дальше.

Тамара посмотрела на запись в блокноте, но не взяла его.

— Я не засекала время разговора.

— Оно было на экране.

— Возможно.

Это «возможно» прозвучало не как отказ. Скорее как дверь, которую Тамара придерживала, чтобы не захлопнулась ни в одну сторону.

— Вчерашний маршрут тоже можно открыть? — спросила Вера.

— Можно, если знаете номер выезда.

Они нашли ночной отчёт. Вчерашняя поездка занимала девять минут и начиналась у улицы Мира. Никакой заправки после возвращения система не показывала: машина завершала маршрут возле объекта и сразу возникала у центра.

— Коля говорил про чек в три ноль четыре, — сказала Вера.

— Коля много говорит.

— Чек можно проверить.

— Не нам. И не сейчас.

Тамара закрыла техническое окно.

— Продолжайте смену.

— Вы правда считаете это обычным?

— Я считаю, что до утра мы отвечаем за сорок восемь других объектов. Если будем смотреть назад, пропустим сигнал впереди.

Она вернулась к вязанию, но больше не сделала ни одной петли.

В четыре десяти Ракитин вошёл в диспетчерскую. Обычно он появлялся после шести. Сегодня на нём был тот же тёмный свитер, что вечером, будто он не ездил домой. Снега на ботинках не было.

— Спокойно? — спросил он.

— Повторный сигнал с Городской, четырнадцать, — ответила Тамара. — Двенадцатая группа проверила. Повреждений нет.

Ракитин положил телефон на стол.

— Женщина опять шумела?

Вера медленно сняла наушник с одного уха.

Тамара посмотрела на неё, затем на начальника.

— Какая женщина?

— Из жильцов. В синем халате. Она на прошлой неделе жаловалась монтажникам, что датчик срабатывает от бутылок.

— Сегодня группа её видела, — сказала Вера.

— Значит, причина та же.

— Откуда вы узнали, что она вышла к группе?

Ракитин взял журнал и пролистал до нужной строки.

— Отсюда.

— В журнале написано «неустановленная жительница».

Про шум и халат ничего нет.

Он задержал палец на странице.

— Грачёв звонил.

— Когда?

— Снегирёва, я не обязан отчитываться вам о каждом разговоре.

— Коля вернулся в ноль шестнадцать. С тех пор был здесь, потом уехал. Вы пришли сейчас.

— У людей есть телефоны.

— Конечно.

Ракитин закрыл журнал.

— Зайдите ко мне после смены.

— Зачем?

— Обсудим вашу работу. Если вы собираетесь здесь остаться, пора оформить постоянный договор.

Он ушёл в кабинет. Тамара дождалась, когда закроется дверь.

— Теперь понимаете, зачем не надо задавать половину вопросов вслух?

— Чтобы он не знал, что я заметила?

— Чтобы вы сами сначала поняли, что заметили.

— Он назвал халат.

— Назвал.

— Вы слышали.

— Слышала.

— А маршрут укоротился.

— Укоротился.

Это были первые два твёрдых ответа Тамары за ночь. Вера ждала продолжения, но старшая взяла спицы.

— И что теперь? — спросила Вера.

— Теперь пять утра. В аптеке через двадцать минут открывается уборочная смена, у них часто неправильный код. А вы пойдёте умоетесь.

В туалете холодная вода долго не становилась холодной. Трубы шли рядом с котельной, и первые секунды из крана текла тёплая. Вера держала ладони под струёй, пока пальцы не заболели.

В зеркале у неё были красные глаза. Такие же глаза могли быть у человека, который перепутал учебный звонок с настоящим. У человека, который не спал. У человека, который решил, что линия на карте стала короче, хотя она всегда была такой.

Она достала блокнот. Две отметки времени не доказывали маршрут, но совпадали с разговором, который помнила Тамара. Женщину в синем халате видели двое сотрудников в две разные ночи, однако уже спорили, где именно и когда.

Ракитин знал цвет халата, но мог получить сообщение от Коли. Каждый факт имел рядом запасную дверь.

Вера записала только одно новое предложение: «Тамара слышала слова Ракитина о синем халате».

Потом зачеркнула имя и написала: «При свидетеле начальник назвал деталь, отсутствующую в отчёте».

Так было суше и слабее. Зато это было правдой.

Когда она вернулась, строка тревоги дома номер четырнадцать оставалась в журнале. Маршрут по-прежнему начинался с улицы Мира. Ракитин сидел у себя и разговаривал по телефону слишком тихо, чтобы различить слова.

В шесть двадцать к зданию подъехала двенадцатая машина. Паша вошёл один, положил на стойку путевой лист и попросил печать. Тамара потянулась к ящику.

— А Коля? — спросила Вера.

— На заправке остался. Чек потеряли, ищет копию.

Вера посмотрела на него.

— В три ноль четыре?

Паша нахмурился.

— Чего?

— Вчера вы заправлялись в три ноль четыре?

— Позавчера. Наверное. У нас топливо по сменам, не по вашим суткам.

— Заправка у хлебозавода?

— Там одна ночная.

Тамара поставила печать и вернула лист.

— Спасибо, — сказала Вера.

Паша ушёл, всё ещё оглядываясь на неё.

В семь пришла Лена. Вера передала обычные события, затем открыла карточку дома номер четырнадцать.

— Она не исчезла, — сказала Лена.

— Нет. Только маршрут стал короче.

— Насколько?

— С одиннадцати километров до четырёх.

Лена поднесла лицо к экрану.

— Может, программа убрала скачки.

— Может. Группа дважды помнит женщину в синем халате. Ракитин назвал её до того, как прочёл отчёт.

— Коля мог позвонить.

— Мог.

Лена выпрямилась.

— Ты теперь сама за него придумываешь объяснения?

— Я отделяю то, что возможно, от того, что было.

— И что было?

Вера посмотрела на белую строку журнала.

— Сигнал пришёл. Группа приехала. Женщина вышла.

Начало маршрута исчезло. Остальное пока неизвестно.

Лена кивнула, будто услышала пароль.

— Напишешь после сна?

— Без точки.

Вера надела пальто и прошла мимо кабинета Ракитина. Дверь была открыта.

— Я просил зайти, — сказал он.

— После смены.

— Она закончилась.

На его столе лежал постоянный договор. Возле строки с фамилией уже стояла жёлтая наклейка. Рядом экран показывал карточку 014-000, но не журнал тревог, а список доступа. Вера успела увидеть три фамилии: Зорин, Ракитин и ещё одну, закрытую краем окна.

— Присядьте, — сказал начальник.

Вера осталась стоять.

За окном утренний двор медленно заполнялся людьми. Женщина в красной куртке вела ребёнка, дворник скалывал лёд, у дома номер четырнадцать Коля спорил с водителем бензовоза. На седьмом этаже зажёгся свет.

Синего халата не было видно.

— У вас хорошая память, — сказал Ракитин. — Для этой работы это достоинство, пока человек понимает, что именно следует помнить.

Он развернул договор к ней.

Вера посмотрела на ручку, положенную поперёк страницы. Потом на список доступа за его плечом.

— А что следует забывать? — спросила она.

Ракитин улыбнулся не сразу.

— Вот об этом и поговорим.

Глава 7. Начальник знает

Ракитин не предложил Вере снять пальто.

Она стояла у стола, чувствуя, как талая вода с сапог собирается на линолеуме. Договор лежал перед ней в двух экземплярах. На первой странице были напечатаны её фамилия, должность и оклад. Испытательный срок заканчивался не через месяц, как говорила Нина Павловна, а сегодняшним числом.

— Я ещё три смены не отработала, — сказала Вера.

— Достаточно, чтобы понять, подходите вы или нет.

— И я подхожу?

— Если перестанете путать работу оператора с внутренней проверкой.

Ракитин взял ручку, но не протянул ей. За его плечом экран погас, список доступа исчез. В чёрном стекле отражалось окно и светлый прямоугольник договора.

— Что именно я проверяю? — спросила Вера.

— Вот и я хочу понять. Вы расспрашиваете сотрудников, записываете время, интересуетесь техническими нарядами. Сегодня заставили группу описывать халат жильца.

— Я никого не заставляла.

— Грачёв считает иначе.

— Он вам позвонил?

Ракитин положил ручку поперёк страницы.

— Да.

— Во сколько?

— Снова допрос.

— Вы сослались на звонок. Я уточняю.

— После выезда.

— Он сказал про синий халат?

— Сказал, что та же женщина опять мешала осмотру.

— Та же — это какая?

Ракитин откинулся на спинку кресла.

— Снегирёва, вы правда думаете, что поймали меня на цвете домашней одежды?

— Я думаю, вы знали деталь, которой не было в отчёте.

— Потому что объект старый и жалобы старые. Женщину зовут Алла Петровна. Квартира семьдесят четыре. Она живёт там двадцать лет и всякий раз выходит в одном халате, когда слышит охрану.

Вера не сразу вдохнула.

Семьдесят четыре. Такой номер был написан на коробке в снятом объявлении. Ракитин произнёс его спокойно, как адрес склада.

— Почему в карточке нули, если вы знаете квартиру?

— Потому что сигнал идёт с общего блока.

— А женщина из семьдесят четвёртой звонила в первую ночь.

— Вы не знаете, кто звонил.

— Она сказала, что мужчина у двери снял номер кварти-

ры.

Ракитин посмотрел на неё без улыбки.

— Нет. Она сказала: «Он снял номер».

В кабинете работал маленький обогреватель. Его спираль щёлкнула, металлический кожух остыл и снова начал нагреваться. Вера слышала собственное дыхание.

— Я не говорила вам точных слов.

— Говорили в первую смену.

— Я сказала про номер квартиры.

— Значит, сейчас я повторил вашу фразу.

— Нет. Вы повторили её фразу.

Ракитин взял договор и выровнял его по краю стола.

— Хотите проверить запись?

— Она исчезла.

— Тогда мы оба опираемся на память. Ваша почему-то считается доказательством, моя — подозрением.

Вера вспомнила голос в гарнитуре. Не звоните. Он у двери. Он снял номер. В ту ночь она мысленно добавила «квартиры», потому что другого смысла не увидела. Теперь Ракитин вернул фразу без добавленного слова.

— Вы слышали вызов, — сказала она.

— Допустим. Что это меняет?

— Вы сказали, что пришли после сигнала.

— Я мог слушать удалённо.

— Могли?

— Руководитель имеет доступ к дежурной линии.

— Вы слушали?

Он провёл большим пальцем по краю бумаги.

— Я не обязан отвечать на вопрос, заданный таким тоном.

— Тогда зачем предлагаете договор?

— Потому что вы хороший оператор. Вы не теряетесь, не врётесь ответственным и слышите то, что другие пропускают. Это редкость.

— А потом забываю то, что следует забыть?

— Потом соблюдаете границы.

Ракитин развернул первый экземпляр к ней и наконец протянул ручку.

— Рабочая информация остаётся в центре. Нельзя фотографировать экраны, переписывать персональные данные, уносить отчёты, копировать записи и обсуждать вызовы с жильцами. Обычные правила.

— Я ничего не копировала.

— Пока.

— Это условие договора?

— Это условие здравого смысла.

— В договоре есть такой пункт?

Ракитин перелистнул страницы. На четвёртой действительно был раздел о тайне охраняемых объектов. Вера прочитала его до конца. Там говорилось об адресах, кодах, составе оборудования, маршрутах и персональных данных. О времени исчезновения строки не говорилось ничего.

— Я могу взять экземпляр и прочитать дома?

— Разумеется. Только подпишите получение.

— Подпишу после того, как прочитаю.

Он убрал ручку.

— Вы любите усложнять простые вещи.

— Простые вещи не исчезают из журнала.

— Этот сигнал не исчез.

— Маршрут изменился.

— Приёмник удалил ошибочные точки.

— Почему ошибочные?

— Машина была у улицы Мира, а не на Советской.

— Коля сказал, что они на Советской.

— Коля мог сказать что угодно. Вы сами видели, как он путает дни.

— В технической таблице не осталось даже ошибочных точек.

Ракитин поднялся. Он был ниже, чем казался из-за стола, но в тесном кабинете сразу занял всё свободное место.

— Вы три дня работаете с программой и уже объясняете мне, что в ней должно оставаться. Я ставил этот центр, когда вы ещё объявляли поезда. Не делайте из незнания смелость.

Последние слова он произнёс тихо. Вера почувствовала знакомый стыд раньше, чем поняла, откуда он взялся.

— Вы знаете, где я работала.

— Это написано в анкете.

— Про ошибку там не написано.

— Я не говорил про ошибку.

— Вы сказали «объявляли поезда».

— Разве не этим занимается справочная служба?

Вера смотрела на него и слышала два разговора сразу. В одном начальник предлагал постоянную работу и напоминал о тайне объектов. В другом человек, который слышал стёртый вызов, показывал, насколько легко добрался до её прошлого.

— Берите договор, — сказал Ракитин. — Приходите вечером с решением.

— А если я не подпишу?

— Нина рассчитает испытательные смены. Без обиды.

— А если подпишу?

— Будете работать. И перестанете собирать свою маленькую копию нашего архива.

— У меня нет копии.

— Так и сохраните.

Он открыл дверь. Разговор был закончен.

В коридоре Вера сунула договор в сумку и спустилась не к выходу, а в комнату отдыха. За столом сидел Коля и разламывал пластиковую вилку, пытаясь подцепить крышку контейнера.

— Ты чего ещё здесь? — спросил он.

— Жду автобус.

— Первый уже прошёл.

— Значит, второй.

Она налила воду из кулера. Коля справился с крышкой;

запах гречки и котлет заполнил комнату.

— Ты звонил Ракитину после выезда? — спросила Вера.

— Сразу к делу.

— Звонил?

— Может, звонил.

— Рассказал про женщину?

Коля посолил гречку из пакетика.

— Он и так её знает.

— Аллу Петровну из семьдесят четвёртой?

Вилка остановилась.

— Имя не знаю.

— А квартиру?

— Откуда?

— Ракитин сказал.

Коля пожал плечами.

— Начальник много кого знает.

— Ты ему звонил?

— Он мне звонил.

— Когда?

— Когда ехали обратно. Спросил, кто выходил.

— Ты сказал про халат?

— Сказал.

Ракитин объяснил почти правду. Только поменял направление звонка. Разница была небольшой, пока не возникал вопрос, откуда он узнал, что нужно спросить именно о женщине.

— Он часто звонит после выездов?

— По его объектам.

— Дом четырнадцать — его объект?

Коля засмеялся.

— Всё здесь его объект. Он начальник.

— Ты понял, о чём я.

— Понял, что ты без договора останешься, если не уймёшься.

— Он уже предложил.

Коля перестал смеяться. Потом соскрёб вилкой соус со стенки контейнера.

— Тогда подпиши. Работа тёплая, деньги вовремя. У тебя дочь, наверное.

— Почему «наверное»?

— У всех вашего возраста кто-нибудь есть.

— А у тебя?

— Никого.

Он ответил слишком быстро и принялся есть. Вера не стала продолжать.

У выхода её догнал Сергей. Серая папка была прижата к боку, в другой руке он нёс моток кабеля.

— Слышал, вас оставляют, — сказал он.

— Здесь стены разговаривают?

— Здесь Нина Павловна разговаривает. Стены только повторяют.

— Ракитин знает квартиру женщины из синего халата.

Сергей оглянулся на лестницу.

— Не здесь.

Они вышли к разгрузочной площадке. У мусорных баков гудела машина, собирая снег. Воздух пах выхлопом и мокрым картоном.

— Семьдесят четыре, — сказала Вера. — То же число было на коробке в объявлении.

— Каком объявлении?

Она рассказала про снятую страницу «Рубеж-недвижимости», не называя сохранённых снимков — их у неё всё равно не было. Сергей слушал, глядя на кабель у своих ног.

— Мог видеть объявление, — сказал он.

— Мог.

— Мог знать жильца по старому монтажу.

— Мог.

— Что ещё?

— Он повторил точные слова первого вызова. «Он снял номер». Не мою версию, а её слова.

Сергей поднял голову.

— Уверены?

— Да.

— Насколько?

Вера сжала стаканчик с водой. Тонкий пластик хрустнул.

— Я добавила слово «квартиры», когда докладывала. Он его не добавил.

— Значит, мог слышать линию.

— Он так и сказал. Руководитель имеет удалённый доступ.

— Имеет. Для аварий.

— Почему тогда отрицал, что слышал?

— Потому что удалённое прослушивание тоже пишется.

— Где?

— На шлюзе. Кто подключился, когда отключился. Содержания там нет.

— Этот журнал тоже можно изменить?

Сергей помолчал.

— Всё можно изменить, если у человека есть права и время. Вопрос не в том, можно ли. Вопрос — что останется рядом.

Он говорил как о проводах: если один оборван, ток иногда выдаёт себя нагревом другого.

— Где стоит шлюз?

— Не спрашивайте.

— Я не собираюсь к нему лезть.

— Тогда вам не нужно знать.

Сергей поднял моток.

— И мне не рассказывайте всё подряд. Если меня спросят, я хочу честно сказать, что не знаю, что вы делаете.

— Я ничего не делаю.

— Вот и хорошо.

— Ракитин велел не копировать рабочие сведения.

— Правильно велел.

Вера почувствовала раздражение.

— Вы считаете, мне надо подписать договор и забыть?

— Я считаю, не надо выносить адреса и записи жильцов.

Даже если начальник жулик, они вам своих разговоров не дарили.

— А время и номера нарядов?

— Я вам уже дал один номер и жалею.

— Почему?

— Потому что после этого вы смотрите на каждую бумагу как на спасательный круг. Бумага тонет не хуже человека.

Он пошёл вдоль здания. Вера окликнула:

— Сергей.

Тот обернулся.

— Вы сами храните старые наряды.

— Хранил, — сказал он. — Пока не понял, что за них полезут в мою папку.

Он ушёл за угол, оставив её возле баков.

Дома Вера положила договор на кухонный стол и проспала до двух дня, не раздеваясь. Проснулась от звонка Полины.

— Я взяла билет на субботу, — сказала дочь. — Приеду в одиннадцать десять.

— Встречу.

— Не надо. Я доеду.

— У тебя сумки.

— Рюкзак. Мам, ты спала?

— Спала.

— Голос как из шкафа.

Вера села. Договор прилип к мокрому дну кружки; на первой странице расплылся угол печати.

— Мне предложили постоянную работу.

— Поздравляю. Ты рада?

— Не знаю.

— Тогда не поздравляю. Зарплата нормальная?

— Немного меньше прежней.

— Коллектив?

— Разный.

— Начальник?

Вера посмотрела в окно. У четырнадцатого дома стоял белый фургон. Задние двери были открыты. Мужчина в тёмной шапке вынес из подъезда свёрнутый ковёр.

— Знает больше, чем говорит.

— Это любой начальник.

— И больше, чем должен.

Полина молчала несколько секунд.

— Ты опять про запись?

— Про договор.

— Прочитай и реши. Только не решай после ночной.

— Уже прочитала.

— Врёшь.

— Почему?

— Потому что бумага у тебя шуршит только сейчас.

Вера улыбнулась, хотя Полина не могла увидеть.

— Хорошо. Перезвоню вечером.

После разговора она прочла договор дважды. Условия были обычными. Компания не запрещала сотруднику обращаться в полицию, сообщать о нарушениях владельцу или хранить собственные заметки без закрытых сведений. Зато отдельное приложение разрешало работодателю проверять рабочее место и личные вещи, если есть подозрение на вынос данных. Под приложением требовалась отдельная подпись.

Вера достала рабочий блокнот из сумки. В нём были номера событий, времена и одна фраза о детали, названной начальником. Адрес дома повторялся несколько раз. Если Ракитин захочет, этого хватит, чтобы обвинить её в копировании.

Она не стала вырывать страницы. Положила блокнот в ящик буфета, где бабушка хранила квитанции, и закрыла на маленький ключ. Тут же стало стыдно: жест делал заметки похожими на тайник, хотя минуту назад они были просто бумагой.

На объявлении «Рубеж-недвижимости» номер телефона был напечатан крупно. Вера набрала его с городского аппарата.

— Срочный выкуп, Константин, — ответил знакомый голос.

Костя. Старший по подъезду, который отрицал ночной вывоз коробок.

— Меня интересует квартира в доме четырнадцать, — сказала Вера.

— Какая именно?

— Семьдесят четыре.

Пауза длилась меньше секунды.

— Она снята с продажи.

— Продана?

— Собственник передумал.

— Алла Петровна?

— Представьтесь, пожалуйста.

Вера положила трубку.

Теперь Костя знал, что кто-то связывает квартиру с именем. Возможно, он узнал её голос. Звонок не дал доказательства, зато предупредил человека, которого она подозревала. Именно так возникали ошибки: действие казалось маленьким, потому что совершалось из кухни.

Она записала на обратной стороне договора: «Не звонить, пока не ясно, что вопрос изменит».

В семь вечера Вера пришла на работу без блокнота. Договор лежал в прозрачном файле. Нина Павловна ждала у стойки с печатью.

— Решили? — спросила она.

— Да.

— Олег Андреевич у себя.

Ракитин разговаривал по телефону. Увидев Веру, он закончил фразу: «Семьдесят четвёртую пока не трогайте, хо-

зьяйка нервная», — и сбросил вызов.

Он не извинился и не сделал вид, что она ослышалась.

— Подписали?

Вера положила договор на стол.

— Основной — да. Приложение о проверке личных вещей — нет.

— Тогда я не могу вас оформить.

— В основном договоре написано, что приложения принимаются отдельно по соглашению сторон.

— Хорошо читаете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.